

HDIM.NGO/0633/17/EN
26 September 2017

Батыр
Бердыев

**ПЕСНЯ
ПРОЩАНИЯ**

СТИХИ ИЗ
ТЮРЬМЫ

Batyr
Berdyev

**PARTING
SONG**

Poems
from
prison

Батыр
Бердыев
**ПЕСНЯ
ПРОЩАНИЯ**
СТИХИ ИЗ
ТЮРЬМЫ

Batyr
Berdyev
**PARTING
SONG**
Poems
from
prison

Нашей тихой надежды тень останется дома,
Отражаясь в глазах тех, кто помнит о нас.
И продолжится снова жизнь, как наша когда-то,
И, конечно, иные будут песни звучать,
Но сердца человечьи, как надежды солдаты
Будут снова и снова и страдать, и мечтать.

Батыр Бердыев _____

*The shadow of our quiet hope will stay at home,
Reflected in the eyes of those who remember us.
And life will continue, as our life was once lived,
And, of course, other songs will be sung,
But human hearts, like soldiers of hope
Will again and again both suffer and dream.*

_____ **Batyr Berdyev**

Стихи в этом издании были написаны Батыром Бердыевым, бывшим дипломатом и министром иностранных дел Туркменистана, в тюрьме в период с декабря 2002 года по март 2003 года. Оригинальные рукописи были вывезены тайком из тюрьмы и переданы иностранным знакомым.

Эта книга посвящается жертвам

This book is dedicated to the victims of enforced

насильственного исчезновения

disappearance in Turkmenistan and their families

в Туркменистане и их семьям

The poetry in this volume was written by Batyr Berdyev, former diplomat and Minister of Foreign Affairs of Turkmenistan, between December 2002 and March 2003 while he was in prison. The original manuscripts were smuggled out of prison and given to foreign acquaintances.

О проекте

About
the project

Насильственные исчезновения в Туркменистане

Насильственные исчезновения людей, приговоренных к длительным срокам тюремного заключения, являются одной из самых острых проблем в области прав человека в Туркменистане. Доклады кампании «Покажите их живыми!» свидетельствуют о постоянном применении этой противозаконной практики начиная с 1990-х годов. На настоящий момент кампания задокументировала более сотни случаев нахождения людей в тюрьме в полной изоляции сроком до 15 лет.

Согласно Международному пакту о гражданских и политических правах, насильственные исчезновения являются грубым нарушением прав человека. Кроме того, это форма бесчеловечного и унижающего достоинство обращения как в отношении заключенных, так и членов их семей и, таким образом, она противоречит Конвенции ООН против пыток. Туркменистан ратифицировал как Пакт, так и Конвенцию против пыток, а его конституционные нормы подчеркивают, что национальное законодательство должно соответствовать международному праву. Туркменское уголовное законодательство не допускает полной изоляции заключенных независимо от совершенного преступления. Тем не менее, власти страны налагают это суровое наказание на тех людей, кого они считают политической угрозой для своей абсолютной власти. В результате этому жестокому и незаконному наказанию подверглись десятки людей, в основном правительственных чиновников, чьи высказывания, влияние или положение в обществе были произвольно интерпретированы властями в качестве угрозы.

Enforced disappearances in Turkmenistan

Enforced disappearance of people sentenced to long prison terms is one of the most acute human rights problems in Turkmenistan. Reports by the Prove They Are Alive! campaign indicate evidence of continuous application of this unlawful practice since the 1990s. The campaign has currently documented more than a hundred cases of people kept in full isolation in prison for up to 15 years.

Enforced disappearance is a grave human rights violation according to the International Covenant on Civil and Political Rights. In addition, it is a form of inhuman and degrading treatment both for the disappeared individuals and for their families, thus falling also under the scope of the UN Convention against Torture. Turkmenistan has ratified both the Covenant and the Convention against Torture, and its constitutional framework stresses that domestic legislation must comply with international law. Turkmen criminal legislation does not permit full isolation of prisoners, regardless of the crime committed. Nevertheless, the authorities are imposing this harsh punishment on anyone they consider to be a political threat to their absolute power. As a result, dozens of people, mostly government officials who were arbitrarily perceived as a threat due to their opinions, influence, or visibility have been subjected to this cruel and illegal punishment.

Most of the disappeared were arrested following a wave of repressions that shook the country in the early 2000s. The largest group of disappeared is accused of an assassination attempt on then President of Turkmenistan Saparmurat Niyazov on 25 November 2002.

Большинство исчезнувших были арестованы в ходе волны репрессий, потрясших страну в начале 2000-х годов. Самая большая группа исчезнувших была обвинена в попытке покушения 25 ноября 2002 года на Сапармурата Ниязова, который являлся на тот момент президентом Туркменистана.

Последовавшая волна арестов побудила Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) инициировать так называемый Московский механизм, который позволяет государствам-участникам ОБСЕ расследовать и решать серьезные проблемы прав человека, существующие в любом государстве ОБСЕ. Специальный докладчик ОБСЕ по Туркменистану подробно описал многочисленные нарушения прав человека, которые были совершены в ходе арестов, судебных разбирательств и последующего лишения свободы тех, кто был вовлечен в попытку переворота. Среди этих нарушений в докладе отмечалось задержание без связи с внешним миром.

Ситуация находилась в фокусе внимания двух резолюций Генеральной Ассамблеи ООН в 2003 и 2004 годах. В 2006 году ситуация с исчезнувшими вновь упоминалась в докладе Генерального секретаря ООН по правам человека в Туркменистане.

С момента начала кампании «Покажите их живыми!» в 2013 году международные организации неоднократно выдвигали требования о том, чтобы Туркменистан прекратил эту практику, что соответствовало рекомендациям кампании. Комитет ООН по правам человека и Комитет ООН против пыток недавно вновь четко озвучили эту цель, в то время как Европейский Союз регулярно пытается найти решение этой проблемы в рамках своего Диалога по правам человека с Туркменистаном.

The subsequent wave of arrests prompted the Organization for Security and Cooperation in Europe (OSCE) to launch the so-called Moscow Mechanism, which allows OSCE participating states to investigate and solve serious human rights problems taking place in any OSCE state. An OSCE Special Rapporteur for Turkmenistan described in great detail the extensive human rights violations that were perpetrated in the arrest, trial, and subsequent imprisonment of those involved in the attempt. Among these violations, the report noted incommunicado detentions.

The situation was in the focus of attention of two UN General Assembly resolutions in 2003 and 2004. In 2006, the situation of the disappeared was again referred to in the UN Secretary General's Report on Human Rights in Turkmenistan.

Since the Prove They Are Alive! campaign was launched in 2013, international organizations have consistently demanded that Turkmenistan ceases this practice in accordance with the campaign's requests. The UN Committee on Human Rights and the UN Committee against Torture recently issued clear calls with this purpose, while the European Union regularly tries to find a solution through its Human Rights Dialogue with Turkmenistan.

In 2015 and 2016, the European Parliament postponed ratification of a Partnership and Cooperation Agreement between the EU and Turkmenistan on human rights grounds—including enforced disappearances. In October 2014, the UN Human Rights Committee issued a decision on the case of Boris Shikhmuradov, former Minister of Foreign Affairs of Turkmenistan, acknowledging him as a victim of enforced disappearance and numerous other human rights violations. The Committee ruled that Turkmenistan is under obligation to disclose information about where he is detained, provide him and his family with an effective remedy, and prevent similar violations in the future.

В 2015 и 2016 годах Европейский парламент отложил ратификацию Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Туркменистаном из-за проблем в сфере прав человека, включая насильственные исчезновения. В октябре 2014 года Комитет ООН по правам человека принял решение по делу бывшего министра иностранных дел Туркменистана Бориса Шихмурадова, признав его жертвой насильственного исчезновения и многочисленных других нарушений прав человека. Комитет постановил, что Туркменистан обязан раскрыть информацию о том, где он содержится, провести эффективное восстановление его нарушенных прав и прав его родных и предотвратить подобные нарушения в будущем.

Хотя туркменские власти отчасти признали существование этой проблемы и предоставили некоторую скудную информацию в закрытых дискуссиях с международными организациями, проблема все еще очень далека от реального решения.

Решение проблемы насильственных исчезновений на самом деле заключается не в освобождении заключенных по истечении срока их наказания или в их помиловании и не в передаче информации о них международным организациям. Решение заключается в обеспечении доступа к заключенным для их родственников, адвокатов и независимых наблюдателей, таких, например, как Международный комитет Красного Креста.

Решением является незамедлительное обеспечение контакта с внешним миром, которого все еще не имеют десятки людей, исчезнувшие в тюрьмах Туркменистана.

While the Turkmen authorities half-acknowledged the problem and provided some scant information in their closed-doors discussions with international organizations, they are still very far from a real solution.

In fact, the solution to enforced disappearance is not releasing people at the end of their terms, or on pardon or otherwise, or exchanging information with international organizations. The solution is to ensure access to prisoners by their relatives, by lawyers, and by independent monitors such as the International Committee of the Red Cross.

The solution is immediate contact with the outside world—and this is not happening for the dozens of people who have disappeared in Turkmenistan's prisons.

О кампании «Покажите их живыми!»

Правозащитная кампания «Покажите их живыми!» была начата в сентябре 2015 года группой неправительственных организаций из различных стран. В кампании участвуют Crude Accountability, Центр развития демократии и прав человека, Freedom Files, Правозащитный центр «Мемориал», Норвежский Хельсинкский комитет, Human Rights Watch и гражданские активисты из Туркменистана.

Кампания взаимодействует с межправительственными организациями, включая Организацию Объединенных Наций, ОБСЕ и Европейский Союз, а также с правительствами и парламентами многих государств и с международным гражданским обществом.

Целью кампании является защита прав большого числа заключенных, отбывающих длительные сроки наказания в туркменских тюрьмах, о которых нет информации со времени вынесения им приговора. Кампания требует, чтобы власти Туркменистана предоставили родственникам исчезнувших информацию об их местонахождении и состоянии, разрешили доступ к ним в соответствии с национальным законодательством и международными стандартами, и чтобы власти незамедлительно прекратили практику содержания заключенных в полной изоляции.

Власти Туркменистана также должны обеспечить доступ адвокатов и независимых наблюдателей, а также пересмотреть вынесенные судебные решения в соответствии с Уголовными и Уголовно-процессуальными кодексами Туркменистана и международными соглашениями о правах человека, ратифицированными страной.

About the Prove They Are Alive! campaign

The human rights campaign Prove They Are Alive! was launched in September 2015 by a group of NGOs from different countries. The campaign team includes Crude Accountability, Centre for Development of Democracy and Human Rights, Freedom Files, Human Rights Centre Memorial, Norwegian Helsinki Committee, Human Rights Watch, and civic activists in Turkmenistan.

The campaign works with intergovernmental organizations including the United Nations, the OSCE, and the European Union, as well as with governments and parliaments of numerous countries, and with international civil society.

The objective of the campaign is to protect the rights of the many detainees serving long-term sentences in Turkmen prisons, about whom no information is available since their sentencing. The campaign demands that the authorities of Turkmenistan provide information to the relatives of the disappeared about their whereabouts and their situation, allowing access and contact according to domestic law and international standards, and that the authorities immediately halt the practice of keeping prisoners in full isolation.

The authorities of Turkmenistan should also ensure access by lawyers and independent monitors and review relevant court cases according to the Criminal and Criminal Procedural Codes of Turkmenistan and the international human rights agreements ratified by the country.

WWW.PROVETHEYAREALIVE.ORG

Основные Документы

“Пропавшие в туркменских тюрьмах”, Доклад кампании «Покажите их живыми!» (англ.)
provetheyarealive.org/wp-content/uploads/2016/08/Disappeared-Report-2016.pdf

Заключительные замечания Комитета ООН по правам человека (март 2017):
tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/TKM/CO/2&Lang=En

Заключительные замечания Комитета ООН против пыток (декабрь 2016):
tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT/C/TKM/CO/2&Lang=En

Доклад Генерального секретаря ООН о ситуации с правами человека в Туркменистане (2006) (англ.):
documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/552/49/PDF/N0655249.pdf?OpenElement

Доклад ОБСЕ о ситуации в Туркменистане в рамках Московского механизма (март 2003):
www.osce.org/ru/odihr/18373?download=true

Доклады “Международной Амнистии” и “Хьюман Райтс Уотч” о ситуации с правами человека в Туркменистане (англ.):
<https://www.amnesty.org/en/countries/europe-and-central-asia/turkmenistan/>
<https://www.hrw.org/world-report/2016/country-chapters/turkmenistan>

Essential Bibliography

Disappeared in the Turkmen Prisons, report by the Prove they are Alive! campaign (August 2016):
provetheyarealive.org/wp-content/uploads/2016/08/Disappeared-Report-2016.pdf

UN Human Rights Committee Concluding Observations on Turkmenistan (March 2017):
tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR/C/TKM/CO/2&Lang=En

Concluding Observations of the UN Committee against Torture (December 2016):
tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CAT/C/TKM/CO/2&Lang=En

UN Secretary General Report on Human Rights in Turkmenistan (2006):
documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N06/552/49/PDF/N0655249.pdf?OpenElement

OSCE Moscow Mechanism report, March 2003:
www.osce.org/files/documents/0/5/18372.pdf

Amnesty International and Human Rights Watch reports on human rights in Turkmenistan:
www.amnesty.org/en/countries/europe-and-central-asia/turkmenistan/
www.hrw.org/world-report/2016/country-chapters/turkmenistan

Предисловие

Я очень долго не мог написать это предисловие к тюремным стихам Батыра Бердыева, - и не потому, что я не литературовед, ведь и Батыр не был поэтом, он сам писал об этом из тюрьмы...

Перечитывая написанное Батыром, мне очень трудно было подбирать слова, чтобы выразить свои ощущения тоски и безнадежности, умноженные на чувство бессильной ярости. Первое про невозможность передать обычными словами состояние людей, сознающих, что они навсегда, да практически так, - навсегда замурованы в каменные мешки без всякой надежды увидеть родных и любимых. Второе адресовано конкретным людям, нынешним вождям Туркмении, трусливым, подлым и жестоким.. У них были все возможности положить конец этому преступлению, начавшемуся при прошлой власти, прекратить бесчеловечное обращение с десятками людей, заключенными в тюрьмах в полной изоляции от внешнего мира, и остановить страдания их родных. Однако они ничего не сделали в течение этих долгих лет, отказываются даже признать проблему, и поэтому несут полную моральную и правовую ответственность за это продолжающееся жестокое преступление.

Я очень долго собирался с духом, чтобы решиться написать о Батыре - да и не только о нем, ведь среди исчезнувших в туркменских стенах много знакомых мне людей, в том числе мой хороший друг Борис Шихмуратов - оттого, что я часто думаю о них...

С Батыром Бердыевым нас познакомил Борис Шихмуратов, которого Батыр сменил на посту министра иностранных дел. Мы встречались с ним всего пару раз. У меня он остался в памяти очень искренним, естественным в своих эмоциях человеком, интеллигентным по своей внутренней, душевной организации. В нем чувствовалась еще неразстреленная энергия действий, которую он надеялся реализовать в родной стране, после нескольких лет работы в Вене.

Preface

It took me a long time to write this introduction to the poems Batyr Berdyev wrote in prison, and not because I am not a literary critic—Batyr was not a poet; he himself wrote that from prison...

Reading through what Batyr wrote, I found it really difficult to find the words to express my feelings of melancholy and despair, along with the feeling of helpless rage. Melancholy and despair at the impossibility of using common words to describe the condition of those who are aware that they are forever—yes, that is basically it: forever immured in a prison cell without any hope of seeing their relatives and loved ones. Helpless rage at concrete people, the current leadership of Turkmenistan—cowardly, base, and cruel. They had every opportunity to end this crime, which the previous regime had started, to stop the inhuman treatment of dozens of people who were imprisoned in total isolation from the outside world, and to stop the suffering of their relatives. However, they have done nothing for these long intervening years; they have not even acknowledged the problem. Because of this, they bear full moral and legal responsibility for this ongoing, cruel, crime.

It took me a long time to pluck up my courage to decide to write about Batyr—and not only about him. Among the disappeared in Turkmen torture chambers are a lot of people I know, including my good friend, Boris Shikhmuratov. That is why I think about them often...

Boris Shikhmuratov introduced me to Batyr Berdyev, who took his place as Minister of Foreign Affairs. We only met a couple of times. I remember him as very sincere, emotionally open person, cultured in his internal, spiritual orientation. One felt in him undissipated energy to act, which he hoped to realize in his home country after several years of working in Vienna.

Of course, Batyr was a romantic...this can be seen by reading from the lines of his prison poetry—tragic, soul searing, and, simultaneously, radiant.

Конечно же, Батыр был романтиком... Это вычитывается из дошедших до нас его тюремных поэтических строк, - трагических, рвущих душу и, одновременно, светлых.

*Губы помнят твоих губ стенья,
Руки помнят касанья руки,
Помнишь, Вена, Хилтон, свиданье
И рождественские кабаки.*

*...В жизни праведням вовсе я не был,
Твоя святость спасала меня...*

Конечно, кто, читая эти строчки по-русски, не вспомнит здесь поэтическую удачу Сергея Есенина! Но, зная, в каких затхлых, сырых, незнющих солнца стенах, выводятся эти строки, то напрягаешь чувства, чтобы понять, - эта удача наполняет легкие, дает дышать и волнует память замурованному узнику...

И больше того, скажу вот что: не уверен, что разгульный, любвеобильный и трагический русский поэт Есенин смог бы остаться таким в условиях, в которых туркменский дипломат Бердыев вдруг обнаружил себя трагическим, но светлым поэтом.

Батыр не заблуждался по поводу своего будущего, хотя и не оставлял надежд на лучший исход. Уже через месяц после своего ареста, 7 января 2003 года, он писал любимой жене Бахаре:

*Я вокруг перед тобой здесь виноват
Перед сыном в троекратной мере
За сиротство предстоящих дат
И за то, что я отец был неумелый.
И за то, что отвести от вас не смог
Боль беды случившейся внезапно*

*The touch of my lips on your lips,
Your hands on my hands:
Vienna, the Hilton, our meeting
And the Christmas markets.*

*... My life has not been righteous,
But your holiness has saved me...*

Of course, anyone reading these lines in Russian would recall the poetic daring of Sergey Esenin! But, knowing in what moldy, damp, sunless walls these lines were written, you strain your feelings to understand. That daring fills the lungs, lets you breathe, and stirs the memory of an immured prisoner...

Plus, I will say this: I am not sure that the rakish, loving, and tragic Russian poet Esenin could have stayed that way in the conditions in which the Turkmen diplomat Berdyev suddenly found himself to be a tragic, but radiant, poet.

Batyr did not have illusions about his future, although he also did not lose hope for a happy ending. A month after his arrest, on January 7, 2003, he wrote to his beloved wife Bakhar:

*I am guilty here before you,
Thrice guilty before our son:
Guilty of orphaning his future,
Guilty of being an inept father,
Guilty that I could not prevent
The pain of unexpected tragedy...*

He also wrote bitter words to his only son Rakhmash:

*And I haven't been able yet to tell you
Why Giordano Bruno stepped into the flames,*

Единственному любимому сыну Рахмаше он писал полные горечи слова:

*Не успел тебе я рассказать о том,
Почему в костер шагнул Джордано Бруно,
Как открыты были гены и протон,
И как жить по чести в этом мире трудно*

Я не знаю, каким вырос сын Батыра, он уже должен был стать за эти 15 лет после ареста отца совершеннолетним мужчиной, но хочу верить, что напутствие отца – “жить по чести в этом мире” для него оказалось жизненным стержнем...

Я также не знаю, был ли Батыр Бердыев, в светских традициях воспитанный, хорошо европейски образованный дипломат, человеком верующим, как принято говорить, воцерковленным. Но не могу без волнения читать эти строки, обращенные к жене:

*Бог проявляется в любви. Для меня ты и
есть любовь, ты и есть частичка того
божественного света чистоты души,
который однажды вспыхнул на этой земле, и
который передаётся из поколения в поколение
не умом, а сердцем, не знанием, а чувствами,
и без которого род человеческий уже давно бы
угас, и без которого не было бы истории, нет и
не будет будущего*

Кто-то скажет, что здесь рукой Батыра водит восточная, впитанная им с молком матери, чувственность и будет, конечно, прав. Но, пожалуй, этого будет недостаточно, можно ведь, любить, что называется, не

*How genes and protons were discovered,
And how it is hard to live in this world with honor...*

I do not know how Batyr's son grew up. He must have become, in the 15 years since his father's arrest, a grown man. But, I want to believe that the parting words of his father, “live in this world with honor” were life's blood to him.

I also do not know if Batyr Berdyev, a well brought up, European style well-educated diplomat in the secular tradition, was a believer, a church-goer, as they say. But I cannot read these lines, written to his wife, without emotion:

*God manifests Himself in love. For me, you are love
itself, you are a very particle of that divine light of
purity of soul, which once flared on this earth, and
which is passed from generation to generation not by
the mind, but by the heart, not through knowledge, but
through feelings; without which the human race would
have long ago been extinguished; without which there
would be no history and no future.*

Someone will say that here an eastern sensuality, imbibed with mother's milk, guides Batyr's hand, and will, of course, be right. But, very likely, that would be inadequate. It is possible to love, as it is called, without leaving home, without getting out of bed...and it is also possible while doing things that will make the world better and give it a chance at a future.

We can live our life, create a family, have children, plant a tree, build a house, not knowing who we will become in extreme circumstances, those requiring determination of will, mind, and even—daring, right? Batyr Berdyev learned that about himself. The price of his life.

выходя из дома, не вылезая из постели... А можно, - совершая поступки, которые должны сделать мир лучше, дать ему шанс на будущее.

Согласитесь, мы же можем прожить жизнь, создать семью, родить детей, посадить дерево, построить дом, так и не узнав, чего мы стоим в экстремальной ситуации, требующей напряжения воли, ума, а еще - дерзости!

Батыр Бердыев это про себя узнал. Ценой собственной жизни.

И мы тоже знаем и будем помнить его, бесстрашного и нежного, умного и волевого, любившего и любимого, мечтавшего о лучшем мире для своей страны.

Аркадий Дубнов

Аркадий Дубнов – российский журналист и политический обозреватель, ведущий специалист по Центральной Азии в течение более 25 лет. Его материалы публиковались в различных изданиях, включая «Время новостей», «РИА Новости», «Коммерсант», «Ведомости», «Новая газета», «Эхо Москвы», Би-Би-Си, «Радио Свобода», «Голос Америки», сайт Московского Центра Карнеги и др. В 1990-х гг. работал главным редактором московского бюро «Радио Свобода».

And we also know and will remember him, fearless and gentle, smart and strong-willed, loving and beloved, dreaming of a better world for his country.

Arkady Dubnov

Arkady Dubnov is a Russian journalist and political analyst, a leading expert on Central Asia during the last 25 years. His articles have been published by various media, including Vremya Novostey, RIA Novosti, Kommersant, Vedomosti, Novaya Gazeta, Ekho Moskvy, BBC, Radio Liberty, the Voice of America and the website of the Moscow Carnegie Center. In the 1990s, he worked as a chief of the Moscow bureau of "Radio Liberty".

Об авторе

About
the author

Batyr Berdyev

Батыр Бердыев родился 3 октября 1960 года в Ашхабаде. В 1982 г. он окончил Туркменский государственный университет по специальности «филология». После окончания учебы он занимал должности от стажера до главного редактора в газете «Комсомолец Туркменистана». В 1990-1992 гг. работал корреспондентом по Туркменистану еженедельных газет «Союз» и «Жизнь». В 1992 году Бердыев стал заместителем министра иностранных дел Туркменистана. В 1994 году он был назначен временным поверенным в делах Туркменистана в Австрии, а с 1995 года – послом в Австрии, Словакии и Чехии, а также представителем Туркменистана в ОБСЕ. В 2000-2001 годах он был министром иностранных дел Туркменистана. Женат, есть сын.

Born in Ashgabat on 3 October 1960, Batyr Berdyev graduated from the Turkmen State University with a major in Philology. After graduation, he worked his way from intern to chief editor of the newspaper Komsomolets Turkmenistana. In 1990-1992 he worked as a correspondent to Turkmenistan for the weekly publications Soyuz (Union) and Zhizn (Life). In 1992, he became a Deputy Minister of Foreign Affairs of Turkmenistan. In 1994 he was appointed Charge d'Affaires of Turkmenistan to the Republic of Austria, and from 1995, Ambassador to Austria, Slovakia and the Czech Republic, as well as Representative of Turkmenistan to the OSCE. In 2000-2001 he served as Minister of Foreign Affairs of Turkmenistan. He is married and has a son.

Батыр Бердыев был арестован 7 декабря 2002 года по подозрению в якобы участии в так называемой попытке покушения на президента Туркменистана Сапармурата Ниязова 25 ноября 2002 года. Суд над ним состоялся вместе с другими обвиняемыми 20-21 января 2003 года и приговорен к 25 годам.

По сообщениям свидетелей, Бердыева жестоко избивали и пытали во время его ареста и допросов. Во время судебного разбирательства Бердыев и другие обвиняемые сообщили, что в течение нескольких дней до заседания суда они не получали еды. Еще один предполагаемый участник попытки переворота Леонид Комаровский видел Бердыева через шесть недель после ареста и называл его состояние «совершенно изуродованным». Его голос в последний раз слышали другие заключенным в мае или июне 2005 года. В 2007 году во время официального визита в США Президента Гурбангулы Бердымухамедова спросили, жив ли Батыр Бердыев. Он ответил, что «думает, что да». Помимо этого заявления 10-летней давности, правительство Туркменистана постоянно отказывается отвечать на любой запрос информации о Бердыеве.

Ни жена и ребенок Бердыева, ни другие члены семьи не видели его с момента ареста в декабре 2002 года. Помимо неподтвержденной информации от других заключенных в 2005 году и неопределенного заявления президента в 2007 году, нет никакой информации о том, где он и жив ли он.

Batyr Berdyev was arrested on 7 December 2002 for allegedly participating in an alleged assassination attempt on then President of Turkmenistan Saparmurat Niyazov. He was tried along with the other accused people on 20-21 January 2003 and sentenced to 25 years.

According to witnesses, Berdyev was severely beaten and tortured during his arrest and interrogation. During their trial, Berdyev and other defendants reported that they did not receive any food for days before the trial. Leonid Komarovsky, another alleged participant in the attempt, saw Berdyev six weeks after his arrest and described his appearance as 'absolutely disfigured.' His voice was last heard by a fellow prison inmate in May or June 2005. In 2007, during an official visit to the USA, President Gurbanguly Berdimukhamedov was asked whether Batyr Berdyev was still alive. He answered that "he thought so." Apart from this 10-year old statement, the government of Turkmenistan consistently refuses to respond to any request for information.

Batyr Berdyev's wife and child and other family members never saw him again after his arrest in December 2002. Apart from the unconfirmed information from fellow prisoners in 2005 and the vague statement by the President in 2007, there is no information whatsoever about where he is, how he is, and whether he is alive.

Batyr and his mother Svetlana Nuryevna, about 1963
Батыр и его мать Светлана Нуриевна, около 1963 года

In Europe, 1995
В Европе 1995 года

After the presentation of the letter of credence, Vienna 1994 / После вручения верительных грамот, Вена 1994 года

*With parents, Ashgabat, October 2001
С родителями, Ашхабад, октябрь 2001 года*

Against the backdrop of the OSCE Secretariat, Hofburg palace, Vienna, 1994 / На фоне Секретариата ОБСЕ в Хофбурге, Вена, 1994 год

*Batyr in Vienna, April 1996
Батыр в Вене, апрель 1996 года*

With his son and nephew, Vienna, December 1998
Со своим сыном и племянником, Вена, декабрь 1998 г.

With the staff of the newspaper "Turkmenskaya Iskra"
С коллективом газеты Туркменской Искры

In the Sherlock Holmes Museum, 1995
В музее Шерлока Холмса в 1995 году

Бог проявляется в любви. Для меня ты и есть любовь, ты и есть частичка того божественного света чистоты души, который однажды вспыхнул на этой земле, и который передаётся из поколения в поколение не умом, а сердцем, не знанием, а чувствами, и без которого род человеческий уже давно бы угас, и без которого не было бы истории, нет и не будет будущего.

Дорогая моя, не думаю, что мои стихи имеют какую-то художественную ценность. Я пишу, как умею, зачастую коряво и наивно, но это мои чувства, это моя любовь к тебе и Рахмаше— в этом их суть и смысл, которые не могут быть измерены и оценены. Это наша любовь.

God manifests Himself in love. For me, you are love itself, you are a very particle of that divine light of purity of soul, which once flared on this earth, and which is passed from generation to generation not by the mind, but by the heart, not through knowledge, but through feelings; without which the human race would have long ago been extinguished; without which there would be no history and no future.

My dear, I don't think my poetry has any kind of artistic value. I write whichever way I can, often sloppily and naively, but these are my feelings; this is my love for you and Rakhmasha—this is their essence and purpose, which can't be measured and judged. This is our love.

*Рахману Бердыеву,
моему любимому сыну*

Ты помнишь, как в Езоло море томилось,
Тебя серебрило античною пеной
И нас пленал словно Божия милость
Взгляд мамы, от счастья немного не смелый.
А волны, ласкаясь, тянули в пучину,
И мы хохотали вприкуску с волною.
Тебе было рано еще быть мужчиной,
Но жизнь в нас плеснула судьбою шальнойю.
А в те итальянские звездные ночи,
Когда уставали галдеть Sala Giochi,
Когда засыпал ты под вздохи приболя,
Оставив на время игрушку-героя,
Мы с мамой молились: «Будь
счастлив, сыночек».
А где-то за морем таилась разлука,
Едва различимая на горизонте.
Но нового утра беспечные звуки
Нас вновь вводили под радуги зонтик.
Мы пили то время с вином и закатом,
Мы им наслаждались, как моря дарами,
Но где-то уже зазвучали стаккато
Аккорды разлуки, неведомой нами...
Теперь это в прошлом, теперь— это было.

*To Rakhman Berdyev,
My beloved son*

Remember how the sea just hung there in Jesolo,
And how the old sea foam rose to burnish you,
And how your mother looked at us, and her look
Swaddled us as though it were the mercy of God.
The waves enfolded us and pulled us into the deep,
And we burst out laughing when we tasted the salt.
It was too early then for you to be a man,
But life had already poured out a crazy fate for us.
And on those star-filled Italian evenings,
When the arcade had tired itself out for the night
And you slept to the sound of the water sighing
And let your toy hero fall aside for a while,
Your mother and I would pray: 'Oh son, be happy'.
Our separation lay out there, beyond the sea,
Hardly visible on the horizon,
And the carefree sounds of the new morning
Would draw us away again, under
the rainbow umbrella.
We drank deep of that time, the wine and the sunset;
We enjoyed it all, like the gifts of the sea.
But somewhere the staccato chords of separation,
Unknown to us, were already sounding.
All this is in the past now; this has already happened,

И стражи разлуки уже между нами.
Соленой слезою судьба нас омыла
И нас развела по годам ожиданий.
Прости, что у нас получилось иначе,
Не так, как мечтали, не так, как хотели,
Прости, когда мама украдкой заплачет,
Тебя укрывая на нашей постели.
Прости, что не будет меня с тобой рядом,
Когда в первых драках порвется рубашка,
Прости, что не встретишь отцовского взгляда,
Когда тебе трудно будет, Рахмаша.
Но дни быстротечны, и ночи разлуки
Поглотит безбрежное море надежды,
Тогда мы возьмем с тобой маму на руки
И будем качать её тихо и нежно.
Я знаю— так будет, пусть даже не скоро,
И я обниму тебя крепко, как брата.
Но только сейчас будь для мамы опорой,
Ты должен мужчиною стать был когда-то.

16.12.2002

And the prison guards already stand between us.
Fate has washed us with its salt tears
And separated us, condemned us to years of waiting.
Forgive me that things have turned out strangely,
Not as we had dreamt, not as we had wanted;
Forgive me, when mama cries in secret,
Or lies on our bed and holds you in her arms.
Forgive me, that I will not be near you
When you have your first fight and rip your shirt;
Forgive me, Rakhmasha, that you will not be able,
When things are hard, to look me in the eye.
But the days will pass quickly,
and the nights we are apart
Will be engulfed in hope's boundless ocean;
You and I will hold your mother in our arms
And rock her quietly and tenderly.
I know this will happen, that
someday, maybe not soon;
I will clasp you to me hard, like a brother.
But now you must be a rock for
your mother to lean on;
Sooner or later you had to become a man.

16.12.2002

Камерная Ночь

Лампа светит монотонно—
Ни восходов, ни закатов—
Словно нудная валторна.
День и ночь— без перекатов.
Ночью только звуки гулче
В коридоре, где охрана.
Ты бы мне приснилась лучше,
Но бессонница— подранок
Поет тихо где-то в сердце,
Стонет где-то в памяти.
Никуда уже не деться
С этой ночи паперти.
Сигаретный дым свисает
Космами гадания
И твой образ выплывает
Ночью на свидание.
Я ловлю его губами,
Я шепчу в безмолвии:
«Все в порядке будет с нами,
Только жди и помни».
Исповедаться хочу я
О любви и нежности
И течет слеза, врачую,

This Room at Night

The light burns monotonously—
No sunrises or sunsets—
Just like a tedious French horn.
Unceasing, day and night.
At night all sounds seem louder
From the corridor, where the guards are.
It would be better if I could dream you,
But insomnia is a wounded animal
That whines quietly in the heart;
Moans somewhere in the memory.
There's no way to pass through
This door where we huddle.
The cigarette smoke hangs
In prophetic ribbons
And your image floats in
At night to visit me.
I catch it with my lips,
I whisper to the silence:
“Everything will be fine for us;
Just wait and remember.”
I want to confess
My love and tenderness,
And healing tears flow

По ночной безбрежности.
И дрожит твоя улыбка
Лица непорочности,
Ты так близко и так зыбко
Все, что нам пророчится.
И молюсь я, как умею,
О тебе и сыне.
Господи, просить я смею,
Дай нам выжить силы...
Но стучит глазок железом
В камере без солнца.
Взгляд чужой мне душу взрезал
Выстрелом в бессонницу.

20-21.12.2002

Along the endless night.
The smile trembles
On your pure face.
You are so close, and everything
We predicted is so unstable.
And so I pray, as much as I can pray,
For you and our son.
Oh Lord, I dare ask You this:
Give us the strength to survive...
But the peep-hole clangs open
In this sunless cell.
A stranger's gaze shoots insomnia
And pierces my soul.

20-21.12.2002

*Моему ангелу-хранителю,
моей Бахарочке*

15 Дней «после»

Вот и ночь, моя милая, значит
Снова мы с тобой наедине
Будем говорить или поплачем
В самой тайной сердца глубине.

Я закрою глаза и увижу
Как наш сын распластался во сне.
Он стал, кажется, чуточку выше
Или это мерещится мне?

Как хочу я обнять, убаюкать
Наше солнышко... Спи, сынок, спи.
И мне чудится, что я боюсь встать,
Чтобы вдруг его не разбудить.

А потом мы тихонько прикроем
Двери в спальню и будем одни
В эту ночь в полуснепот, запоем
Признаваться друг другу в любви.

Что бы нам ни пришлось дальше встретить
Даже там, на дыханья краю,
Всё ничто по сравнению с этим
Твоим светлым печальным «люблю»

*To My Guardian Angel,
My Bakharochka*

15 Days “After”

Here's another night, my darling:
You and I alone again.
We'll talk or cry a little
In the secret depths of the heart.

I close my eyes and see
Our son sprawled out in sleep.
He's a little taller now, isn't he,
Or is it my imagination?

How I want to hold him, sing him lullabies...
Our little sun! Sleep, little son, sleep.
And I dream I am afraid to get up,
Scared that I might wake him.

And then we will softly close
The bedroom doors and will be alone
This night of whispers, passionately
Confess our love to each other.

No matter what we encounter
Even there, at the limits of my breath,
All this is nothing compared with your light
And sad voice saying “I love you”

Губы помнят твоих губ стеланья,
Руки помнят касанья руки,
Помнишь, Вена, Хилтон, свиданье
И рождественские кабаки.

Я извечный должник пред Всевышним,
Ты небесная мне благодать.
Я готов, как бы дальше ни вышло,
За тебя сотни раз умирать.

Только перед Тобою и Небом
Преклоняю колени, любя.
В жизни праведным вовсе я не был,
Твоя святость спасала меня...

22.12.2002

The touch of my lips on your lips,
Your hands on my hands:
Vienna, the Hilton, our meeting
And the Christmas markets.

I am forever in debt to the Lord,
Who has given me you as a blessing.
I am ready, whatever may happen,
To die for you a hundred times.

I only bend my knee to two things:
To You and to the Almighty.
My life has not been righteous,
But your holiness has saved me...

22.12.2002

*Рахману Бердыеву,
моему любимому сыну*

Новогодняя песня

С Новым годом, сынок, с Новым годом!
Пусть на ёлке зажгутся огни.
В эту ночь мы с тобою и мамой пред Богом
Будем вместе, как в прежние дни.

Пусть снежинки витают, даже если из ваты,
И пусть радостным будет твой смех,
Старый год— наших бед и разлук провожатый,
Нам оставит надежду для всех.

Пусть сверкают на ёлке шары и гирлянды,
Новогодняя сказка, приди,
Пусть на счастье пробьют ровно в полночь
Куранты. И на светлые дни впереди.

С Новым годом, сынок, с Новым годом!
Пусть он будет любовью согрет.
Пусть сияет лазурным твои небосводом
Нашей мамы улыбка вовек.

Пусть случатся все грёзы твои и мечтанья,
Колокольчики сказки звенят,
Пусть удача придет к тебе без опозданья
И, обняв, поцелует тебя.

*To Rakhman Berdyev,
My beloved son*

New Year's Song

Happy New Year, my son, Happy New Year!
Let the lights shine bright on the tree.
Tonight, before God, you and I and your mother
Will be together, as we used to be.

Let the cotton snowflakes hang in the air,
And let your laughter be joyful,
The old year bears away our troubles and partings
And leaves us hope enough for all.

Let the tree spark with tinsel and baubles;
Let the New Year fairytale be told;
Let the clock strike for good luck at midnight
And for the bright days ahead.

Happy New Year, my son, Happy New Year!
Let it be a year warmed by love.
Let your mother's smile shine for ever
Like a perfect cloudless sky.

Let all your daydreams come true;
Let the fairytale bells ring out;
Let good luck hasten to meet you,
To embrace you and kiss you.

С Новым годом, сынок, с Новым годом!
Пусть на ёлке зажгутся огни.
В эту ночь мы с тобою и мамой пред Богом
Будем вместе, как в прежние дни...

28.12.2002

Happy New Year, my son, Happy New Year!
Let the lights shine bright on the tree.
Tonight, before God, you and I and your mother
Will be together, as we used to be...

28.12.2002

Землетрясение судьбы

Вот и уходит этот год, коловорот,
Набедокурил, разорил, что только смог
И теперь за останки сожженных ворот
Он уходит, шатун, нашей жизни злой рок.
Ты его не кори, не ругай, не прощай,
Он был должен таким быть, как наша юдоль.
Пусть горит в наших душах свечою печаль
И останется в нас навсегда эта боль.
Будем помнить и чтить тех, кто не пережил,
Кто оставил нам жить, несмотря ни на что,
И тянуть из последних нервующихся жил
Нашу жизнь и кто в ней, и твердить: хорошо!
Мы пройдем этот путь, мы отстроимся вновь,
Мы поднимем наш дом и в нем лампы зажгём,
На обломках судьбы станет кремнем любовь,
И прольётся судьба очищения дождём.
И тогда мы воздвигнем в душе новый храм,
Окропим его памятью боли и ран,
И простит, и поймёт наши годы Рахман,
И, быть может, зачтутся страдания нам...

30.12.2002

The Earthquake, Fate

So, the year is moving on; the wheel of life,
Having torn and ruined what it could,
Moves on now, past the remnants
Of the burnt gates: this loose beast, our evil destiny.
Don't rail against it, don't curse it, don't forgive it:
It was our destiny, things had to be this way.
Let the sad candle burn in our souls;
Let this ache remain with us forever.
We will remember and honor
those who didn't survive,
Who left us something to live for, no matter what,
And with our last unbroken sinews we will haul
Our life and its dwellers onwards,
saying *goodness exists*.
We will walk this path, we will build ourselves anew,
We will raise our house and light its lamps again:
Our love will be a firm foundation
on the debris of fate,
And our future will come down like a cleansing rain.
And then we will build a new temple in our soul,
And asperge it with our memory of pain and wounds;
Rakhman will forgive us, and understand
these years,
And it may be that our pain will come to a reckoning.

30.12.2002

Признание в НОВОГОДНЮЮ НОЧЬ

Моя милая, добрая фея,
В эту ночь разреши мне на Вы
Обращаться к тебе и, робея,
В мыслях преподнести цветы.
Здесь три юные тонкие розы,
Я похитил их в райском саду,
Аромат их— волшебные грёзы,
Там к устам я твоим припаду.
Их цвета— моей боли палитра,
Ты прими их и не прекословь,
Три бутона, три наших молитвы—
Наши Вера, Надежда, Любовь.
Моя светлая, тихая пэри,
Разрешите признаться в любви,
Я до Вас в это слово не верил
И не ведал его глубины.
Не стремлюсь я другим показаться,
Когда с Вами вот так говорю,
Это сердце торопит сознаться,
Что в любви этой я угорю.
Ваших глаз бесконечная нежность,
Грусть прощения, лик чистоты

Confession on New Year's Eve

Tonight, my sweet, dear spirit,
Allow me to address you formally,
And, overcome by timidity,
To bring you imaginary flowers.
Here are three young, slender roses:
I stole them from the Garden of Eden,
Their scent is a magical daydream;
I will cling here to your lips.
Their colors are the palette of my pain—
Take them and don't say anything.
These three buds are our three prayers—
Faith and Hope and Love.
My holy, tranquil *peri*,
Allow me to confess my love,
Before you, I had no faith in this word,
And did not know its depths.
I don't pretend to be what I am not,
When I speak to you like this
My heart hastens to admit
That I am burning in this love.
Your eyes with their endless tenderness;
The sorrow of forgiveness; the face of purity:

Примирают меня с неизбежным
Мраком света мирской суеты.
Я прошу Вас коленопреклонно
Дар принять, окажите мне честь.
Три бутона для Вас, моя Донна,
Это всё, что теперь у нас есть...
Моя милая, добрая фея,
В эту ночь разреши мне на Вы
Обращаться к тебе и, робея,
В мыслях преподнести цветы...

30.12.2002

These all reconcile me to the certain
Gloom of the world and its daily bustle.
I ask you on bended knees
To do me this honor, to accept my gift.
Three buds for you, my *donna*,
This is all that is left for us now...
Tonight, my sweet, dear spirit,
Allow me to address you formally,
And, overcome by timidity,
To bring you imaginary flowers.

30.12.2002

Песенка-свидание

Дай мне, милая, руку твою,
Я ладошку твою отопрею
И глазами в глаза повторю
Все, о чем здесь ночами болею.
Как мы кружимся в вальсе с тобой,
В нашем свадебном вальсе,
И не может узнать часовой,
Что над нами уже он не властен.
Как с тобою и сыном, втроём,
Мы уходим по звёздам
В восемнадцатый венский район,
Где для нас ещё всё не поздно.
Как мы мчимся сквозь Альпы на юг,
Здесь оставив запреты,
О любви нам там песни поют
Средиземного моря рассветы.
И как нам там втроём хорошо -
Море, сосны и горы.
Что нам нужно с тобою ещё?
Чтобы дома не было горя.
И у мамы опять пир горой,
Папа жив, и мы вместе,
Дети ссорятся, правда, порой,

Meeting in Song

My darling, give me your hand:
I will hold it and warm it,
And with my eyes looking into your eyes
I will say once again what I am missing.
Here we are, waltzing together,
Spinning in our wedding waltz,
And the guard can't help but see
That he no longer has power over us.
Here we are, the three of us—
You, me, our son—following the stars
To Vienna's eighteenth district
Where it still isn't too late for us.
Here we are, rushing south through the Alps,
All prohibitions cast to one side.
The dawn over the Mediterranean
Sings songs of our love.
And how happy we are together—
With the sea, the pines, the mountains.
What else could the three of us need?
Our home to be free from grief.
And another feast at my mother's house,
And my father alive, and all of us together.
Oh yes, the children squabble now and then,

Это в жизни имеет место.
А ещё я болею тобой
И болезнь эта не излечима...
Я сумею вернуться домой,
Согласись, у меня есть причины...
Дай мне, милая, руку твою,
Я ладошку твою отопрею
И глазами в глаза повторю
Всё, о чём здесь ночами болею...

02.01.2003

But there is a place for this in life.
And I still ache for you
And this illness is incurable...
I must return home,
It is clear I have my reasons...
My darling, give me your hand:
I will hold it and warm it,
And with my eyes looking into your eyes
I will say once again what I am missing...

02.01.2003

XXX

Нам судьба с тобой отмерила разлуку,
Как портной отмерил саван на заказ,
Годы-метры завернут в тоску и муку
Нашей жизни полупрерванный рассказ.
И теперь вокруг одни чужие лица
Будут жадно между мною и тобой
В наших письмах, в наших поцелуях рыться
И глазами, и прокуренной рукой.
Мы теперь с тобой другой язык изучим
Редких встреч и молчаливых ночи слов,
Ожиданья, одиночества и жгучих
Тайных слез и суеверных снов.
Нам опять теперь с тобой придётся
К жизни друг без друга привыкать
И наш сын, любви росточек солнца,
Будет потихоньку вырастать.
И молитвы выстраданный шёпот
Станет нам прибежищем души,
Где не слышен конвоиров топот
И надежды огонёк дрожит.
Но рассказ о нашей жизни не закончен,

XXX

Fate has measured out our separation,
Like a tailor who has measured out a shroud to order,
The years, like swathes of sorrow and torment,
Will wrap the interrupted story of our life.
Now only strangers' faces are around us
They will greedily rummage in
the space between us:
Look through our letters, look through our kisses
With their eyes, with their nicotine hands.
You and I will learn another language
Of rare meetings and silent nocturnal words,
Of anticipation, loneliness and burning
Secret tears and superstitious dreams.
Again you and I must get used to life
Without one another; and our son,
Love's little offshoot of the sun,
Will grow up, slowly and quietly.
And a prayer's tormented whisper
Will be where our souls will take refuge,
Will be a place where you can't hear the convoys,
A place where the spark of hope flickers.

И портной не ведает судьбы,
И рассвет всегда идёт за ночью,
Возгораясь от предутренней звезды...

04.01.2003

But the narrative of our life is not over,
And the tailor doesn't know our fate,
And dawn always follows the night,
And comes in fire from the morning star...

04.01.2003

Моей Бахарочке,
спустя месяц со дня ареста

Я не знаю, как получится прожить
От скупых свиданий до свиданий
Наши годы, что случилось заложить
В скупку арестантских ожиданий.
Я вокруг перед тобой здесь виноват
Перед сыном в троекратной мере
За сиротство предстоящих дат
И за то, что я отец был неумелый,
И за то, что отвести от вас не смог
Боль беды, случившейся внезапно
Не скопил богатства, был не строг
И о жизни рассказал невнятно.
И за то, что жить вернулись мы
В дом чужой, где дикие бурьяны
И меж них теперь, как язвенные раны
Наших грез лежат пожухлые цветы.
Возместить сполна нельзя года,
С первой цифры жизнь сыграть опять нелепо,
Но надежда теплится всегда
Даже в сырости промозглых склепов.

07.01.2003

To my Bakharochka,
a month after my arrest

I don't know how I will manage to live,
From scanty meeting to scanty meeting,
Through all the years that we had to pledge
In the pawnshop of prisoners' hopes.
I am guilty here before you,
Thrice guilty before our son:
Guilty of orphaning his future,
Guilty of being an inept father,
Guilty that I could not prevent
The pain of unexpected tragedy,
And that I didn't save money, wasn't strict,
Didn't tell him clearly what life entails.
And guilty that we returned to live
In a foreign home, where wild grass grows
And there, in the grass, like open wounds,
Lie the faded flowers of our dreams.
Full recompense for lost years is impossible,
To play life again *da capo* is absurd,
But there is always a flicker of hope
Even in the dampness of the crypt.

07.01.2003

Письмо после свидания

Я так многого тебе ещё не рассказал,
Так о многом мы с тобой ещё не говорили.
Эта жизнь, увы, похожа на вокзал—
Гул невнятный в круговерти лиц чужих и пыли.
Я тебе ещё не рассказал про горизонт,
Где земля и небо— полоса надежды,
Где взмывает к солнцу из травы мятежной
Наших ожиданий серебристый зонд.
Мы ещё с тобою не ходили в горы
Где нам звездный полог шепчет в ночь о вечном.
Ты ещё не знаешь, как проходят годы,
И как время жизни нашей скоротечно.
Не успел тебе я рассказать о том,
Почему в костер шагнул Джордано Бруно,
Как открыты были гены и протон,
И как жить по чести в этом мире трудно,
Как рядится подлость в рясу доброты,
Как стремится ложь нам показаться правдой,
Как узнаешь друга только в бедах ты,
И что в жизни жизнь не выглядит парадной.
О любви с тобою я не говорил,
Что любовь бывает только бескорыстной,

Letter After Meeting

There is still so much I haven't told you,
And so much we haven't talked about.
Alas, that life resembles a train station—
The muffled din, the whirl of strangers and dust.
I still haven't told you about the horizon,
Where earth and sky are a band of hope,
Where the silvery vessel of our expectations
Soars to the sun from the rebel grass.
We haven't yet hiked in the mountains
Where at night heaven's vault whispers of eternity.
You still don't know how the years pass by,
And how our life is fleeting.
And I haven't been able yet to tell you
Why Giordano Bruno stepped into the flames,
How genes and protons were discovered,
And how it is hard to live in this world with honor,
How meanness is cloaked in apparent goodwill,
How a lie strives to seem like truth,
How you know your friends only
when you need them,
And that, while you live, life itself
doesn't seem so grand.

Что в любви наш мир Всевышний сотворил
И любовь как вечность, лишь влеченья быстры.
И мужчина должен дом свой защищать,
Но мерило мужества— это справедливость.
Сострадать должны мы и уметь прощать,
И должны быть в сердце совесть и стыдливость.
И ещё хотелось мне тебе сказать,
Что в какие ты бы ни уехал страны
Должен помнить ты и как молитву знать—
Нет на свете женщины святее мамы...
Я так многого тебе ещё не рассказал,
Так о многом мы с тобой ещё не говорили,
Но я видел в твоих искренних глазах
Всё, что с мамой мы так искренне любили...

10.01.2003

I haven't spoken with you about love,
Told you that love can only be selfless,
That the Almighty created our world out of love
And love is like eternity; attraction is fleeting.
And I haven't said that a man must protect his home,
But that the measure of manhood is fairness.
We must be compassionate and know how to forgive,
And must hold conscience and modesty in our hearts.
And I would still like to tell you,
Whatever country you may travel to,
That you should know, remember like a prayer,
That no woman is more sacred than a mother...
There is so much I still haven't told you,
And so much we haven't yet talked about.
But I have seen in your open eyes
Everything your mother and I loved so truly.

10.01.2003

*Моим любимым, Бахарочке и Рахмаше,
от папы*

Ночная фантазия

Когда оплывает вечер
и угасают окна,
И наступает время
мерцанья ночных светил,
Тогда колдовством сновиденья,
в котором нам не одиноко
Я к вам прихожу по вечному
млечному пути.
И взявшись друг с другом за руки,
ы вместе взмываем в небо,
В котором все наши беды
распались на тысячи звёзд,
И нам нипочём разлуки,
года и слова на потребу,
Здесь есть только мы и небо—
вместилище наших грёз.
Мы здесь никому не подвластны,
здесь территория наша,
Куда может в принципе каждый,
кто сердцем открыт, забрести,
Здесь жить и летать не опасно,
если душа не как сажа,
Здесь нет кукловодов и стражи,

*To my beloved Bakharochka and Rakhmasha,
from Papa*

Nighttime Fantasy

When the evening melts down
and windows fade
And the time of the sparkling
night stars arrives
Then through the magic of dreams,
(a space where we are unlonely)
I come to you along the eternal
Milky Way.
And, taking each other by the hand,
we rise together to the sky,
Where all our troubles
are broken into a thousand stars,
And the separations, years
and empty words are as nothing.
Here there is only us and the sky—
the vessel of our daydreams.
Here we are ruled by no one,
here the land is ours,
Here, everyone whose heart is open
may, in principle, wander,
Here life and flight are not dangerous
if your soul is unsullied;
Here there are no puppeteers or guards:

кто любит, здесь тот и летит.
И мы облетим все планеты,
и солнце в ладошках понежим,
И каждому дню расставанья
мы звёздочку здесь подберём,
И музыку звёздных сонетов
мы в памяти нашей удержим,
Пусть будут они без названья,
названья мы после найдем.
А утром, когда, налетавшись,
пойдем по земле нашей зыбкой,
Я вас провожу до подъезда,
который ещё будет спать,
Мы молча простимся, обнявшись,
слезу разгоняя улыбкой -
Три конки соседских облезлых
нас будут с рассветом встречать.
И мы пожелаем друг другу
счастливого утра, как прежде,
И я растворюсь незаметно,
уйду, чтобы верить и ждать,
Когда звёздной ночью по кругу
планеты любви и надежды
Мы вновь будем самозабвенно
свободно парить и летать...

14.01.2003

love here is a kind of flight.
And we'll fly around all the planets,
enjoy the sun on our hands,
And for every day spent apart
we'll pick up a little star.
We'll keep the music
of starry sonnets in our memory,
Let them be unnamed,
we'll name them later.
And in the morning, having flown all over,
we'll walk our fragile earth:
I will take you to the entrance
which will still be asleep.
We will embrace and part silently,
chase away a tear with a smile—
Three mangy neighborhood cats
will greet us at daybreak.
And we will wish each other
a good morning, as often before,
And I will vanish unnoticed,
ready to believe and wait,
Until on another starry night in its orbit
the planet of love and hope
Will once again allow us selflessly
and freely to glide and fly...

14.01.2003

Межсезонье

И не осень уже, и ещё не зима— внесезонье.
Прошлогодние листья, как
ветхая ржа по газонам.
И душа недоверчиво ждет, как
босяк беспризорник,
Сотворения чуда на раз, просто так, без резона.
А в Венеции тихо, наверно, сейчас—
не сезон для туристов,
И не слышен призыв гондольера с
каналов игривый и зычный,
Помнишь, там мы прошли по мостку
и свернули на пристань,
Впрочем, пристани там— это
буднично так и привычно.
И на площади Марка Святого,
конечно, мы сделали снимок,
Где наш сын в бубенцах утопает в
восторге и солнца разливах.
Этот миг абсолютного счастья непостижимо
След оставил на фотобумаге—
Сент Маркусу VIVA!
Мы устали тогда от дворцов, галерей, переходов,
От мощенных дорог, удививших
нас в даль Возрождения,

Off-Season

It's not autumn, not yet winter—it's the off-season.
Last years' leaves, like feeble rust over the lawns.
And my soul waits mistrustfully,
like a shoeless tramp,
Waits for a miracle, a one-off, just like that.
But Venice is likely quiet now—
it's not the tourist season,
And the gondolier's call doesn't echo from the canals.
Remember, we walked along a
bridge, turned on to a pier,
(But piers there are humdrum and casual).
And of course, on Saint Mark's
Square we took a snapshot
In which our son and his rattles are
flooded with joy and sunshine.
For no explicable reason, that
instant of absolute happiness
Left its trace on the photo paper—VIVA Saint Mark!
We got tired of the palaces,
galleries and passageways,
The cobblestone streets that led
us to the Renaissance,
The chords that have stood for
centuries frozen in stone.

От веками томящихся, в камне
застывших аккордов
И мелькания масок трагичных в
прогулках, как наважденья.
И на маленькой площади,
ласковым светом залитой,
Где, как прежде, над тихим
каналом бельё просыхает,
И где в церкви поблизости
также возносят молитвы,
Наслаждались мы кофе, его ароматы вдыхая.
И «ЛЯ СКАЛА» - ухоженный
рай знатоков и гурманов,
Кабачок, приютившийся тихо
у древних ступеней,
В славный вечер нанёс нам
роскошный удар по карманам,
И легко нам там было и не
было в нас сожалений...
А теперь здесь у нас затянувшееся межсезонье,
Словно жизнь с виража соскользнула
в безвременья зону,
Но душа всё же ждет, как уставший
с тоски беспризорник,
Совершения чуда на раз, просто так, без резона...

16.01.2003

We tired of the tragic masks flickering
like ghosts as we walked.
And on the small square, flooded with gentle light,
Where, as it always has, laundry
dries above the quiet canal,
Where they send up their prayers in a nearby church,
We savored our coffee, inhaling its aroma.
La Scala is a groomed paradise
of experts and gourmets,
On that perfect evening a small tavern, a quiet refuge
By the ancient stairs, dealt a
sumptuous blow to our pockets,
And life was easy there and we had no regrets...
But here the off-season has dragged on for too long:
Life has slipped into a space of timelessness,
But the soul keeps waiting, like
a tramp tired of longing,
Waits for a miracle, a one-off, just like that...

16.01.2003

Этюд надежды

Давай забудем,
Пусть, хоть на полчаса,
Одиночество буден
И чужие нам голоса.
Давай откроем
Наш семейный альбом,
Где все мы, трое,
И гостей полон дом,
Где мы молодые,
Нанна свадьба шумит,
И любви понятые
«Горько» пьют от души,
Где в сиянии снега
Сын по детству летит
И штирийское небо
Его смехом звенит,
Где по пражскому граду
Мы идём не спеша,
И на море ты, правда,
Дивно как хороша,
Как в тебя не влюбиться,
Где в сверканье зеркал
Ты идёшь, как царица,
Открывать венский бал,

Study in Hope

Let us forget
If only for half an hour,
The routine loneliness
And the voices of strangers.
Let us open
Our family album,
Where we three are together,
And the house is full of guests;
Where we are young,
And our wedding is lively,
And the witnesses to our love
Raise a heartfelt toast;
Where our son flies
Through his childhood by snowlight
And the Styrian sky
Rings with his laughter;
Where we stroll at our leisure
Through Prague Castle
And you, by the sea,
Look astonishingly beautiful—
How could one not fall in love with you
Here, where you walk
By mirrorlight like a Tsarina,
To open the Vienna ball;

Где у замков старинных
Бродим мы по лесам,
Где хотелось наивно
Верить всем чудесам,
Где мы счастливы были..
И не стоит грустить!
Мы ещё не прожили
Всё, что должно прожить.
Да, мы счастливы были
И мы будем опять,
Что бы нам ни твердили,
Наш альбом пополнять.

17.01.2003

Where we stroll through forests
By ancient castles;
Where we naively
Believed all the miracles;
Where we were happy..
It's not worth being sad!
We still haven't lived through
Everything we must live through.
Yes, we were happy,
And we will be again,
Filling up our album,
Whatever the others say.

17.01.2003

*Бахарочке, моей милой,
Любимой и единственной*

XXX

Последним росчерком багровым
Закат за Каспием истаял
И караван надежд торговый
Нам млечный путь из звёзд составил.
Он тронет тихо в ночь, без звука,
Держась луны и сновидений.
Мечтой торговец, лишь разлукой
Берёт он плату вместо денег.
И мы ему с лихвою платим,
Кочуя вместе с ним по небу,
За виртуальный жар объятий,
Где ночь, как быль, а утро — небыль.
Мы с караваном в высь уходим,
Законы физики отвергнув,
В сомнамбулическом походе
Судьбу гадая суеверно..
Перебирая сны, как жемчуг,
В баулах грёз и ожиданий,
Я так хочу, чтоб было нечем
Нам рассчитаться утром ранним,
Чтоб караван ушёл, оставив
Нас у дороги, чтоб забылись
Разлуки сны, ночам добавив
Лишь толику от звездной пыли.

*To Bakharochka, my darling,
My beloved, my one and only*

XXX

With a last crimson brushstroke
The sunset melted beyond the Caspian
And a merchant caravan of hope
Built the stars into the Milky Way.
It sets off at night without a sound,
Carrying the moon, carrying dreams.
The merchant of dreams, he takes
Separation as payment instead of money.
We pay him lavishly, extravagantly,
Roaming the sky along with him,
Pay him for the imagined heat of embraces,
For the night to be true, for morning
to be the fairy tale.
We ascend with the caravan,
Rejecting the laws of physics,
In our sleepwalker's journey
We superstitiously read the future..
Sorting our dreams, like pearls,
Into coffers of dreams and expectations,
I wish so much that we had nothing
To pay with when morning comes,
So the caravan would go,
And leave us by the roadside;
So the dreams of separation would be forgotten,

И видит Бог, должно так стать,
Когда однажды на рассвете
Нам не придётся расставаться...
Но дату держит Бог в секрете.

18.01.2003

Adding just a little bit of star dust to the nights.
As God is our witness, that's how it should be,
And the dawn will come
When we don't have to part...
But God keeps that date a secret.

18.01.2003

*Моей милой Бахарочке,
возлюбленной и жене*

XXX

Я сегодня буду светел и печален,
Буду нелюдимым и раним,
Потому что я сегодня отмечаю
День последнего свиданья именин.
Сигаретный дым— туман моей надежды—
Будет рисовать, как Пикассо
В странных линиях твои одежды,
Твои губы, твои волосы, лицо.
Будет увлекать в родные дали,
Где любовь тоскует в нежности морях,
Отражаясь в блеске глаз твоих миндальных
И невыплаканных при чужих слезах.
Где бывлые наши безрассудства
Станут меткою томящейся мечты,
Где, быть может, в расставании спасутся
От распада того времени черты.
Я сегодня буду тихим и смиренным,
Буду молчаливым и терпим,
Потому что знаю, в этот мир тюремный
Ты придёшь меня сегодня навестить.
Этот день отпразднуем мы славно,
Я ещё достану к чаю сигарет,
И в молчании твержу я неустанно,
Что таких, как ты, на свете больше нет.

*To my sweet Bakharochka,
my beloved and my wife*

XXX

Today I will be pure and sad,
I will be lonesome and vulnerable,
Because today I mark
The anniversary of our last tryst.
Cigarette smoke—my hope turned into fog—
Will sketch your clothes
In strange lines like Picasso,
Sketch your lips, your hair, your face.
The smoke will carry me to dear far-off places
Where love feels sad in the tenderness of the sea,
And is reflected in the sheen of your almond eyes
And in the tears you never shed before strangers.
I will travel where our bygone recklessness
Will become a sign of fading daydreams,
Where, maybe, the outline of that time
Will be saved from collapse by our parting.
I will be peaceful and humble,
I will be silent and tolerant,
Because I know you will come to visit me
In this prison world today.
This day we will celebrate in full:
I will find a cigarette to have with my tea,
And in the silence I will diligently repeat
That there are no more human beings like you.

Этот день твоё получит имя,
Небом освящённое цвести,
И шепчу я: «Милая, спасибо»,
И дышу: «Бахарочка, прости...»
Я сегодня буду светел и печален,
Буду нелюдимым и раним,
Потому что я сегодня отмечаю
День последнего свиданья именин...

24.01.2005

This day will be named after you,
Will be given your blessed name,
And I whisper: "My sweet, thank you",
And I breathe: "Bakharochka, forgive me..."
Today I will be pure and sad,
I will be lonesome and vulnerable,
Because today I mark
The anniversary of our last tryst.

24.01.2005

*Моим любимым, моим небесным ангелам,
Бахарочке и Рахмаше*

XXX

Без прощальных взглядов, без слезы в словах,
Всё случится, видно, очень прозаично—
На этап судьбы в разлуки кандалах
Нас конвой отправит в строгости привычной.
Изойдутся лаем грамотные псы,
Изревутся в темень одинокой рани
«Воронков» стартёры, тишину изранив,
И этап истает, как под утро сны.
Растворится где-то в мире параллельном,
Где твоё дыхание ангелом ночным
По душе однажды мягкой акварелью
Шёпота распишет таинство мечты.
Где твои и сына образы, как лики,
Будут мне являться в сумеречных снах
И дарить надеждою сквозь ночные крики,
И спасать любовью, скреплённой в небесах.
Чередою будут ночью дни меняться
И привыкнут к боли сердце и глаза,
Но придет однажды время возвращаться
И в душе родится счастливая слеза...

25.01.2003

*To my beloved, to my heavenly angels,
Bakharochka and Rakhmasha*

XXX

Without any backwards glances,
without tearful words,
Everything will happen, apparently,
very prosaically—
The guard will dispatch us with his usual severity,
To make the fated transfer in the
shackles of separation.
The trained hounds will bark out loud,
And in the lonely darkness of early morning
The van's engines will roar, wounding the silence,
And by the time the sun is up the
transfer will be just a dream.
This journey will disappear
somewhere in a parallel world,
And your breath, like the breath of a nocturnal angel,
Will paint on my soul softly as a watercolor
Whispering, the mystery of dreams.
Your face and our son's face, like
figures from an icon,
Will appear to me in twilight dreams
And give me hope through all the nocturnal cries,
And save me with our heaven-fixed love.
The stream of days will change to night

And my heart and eyes will grow used to pain,
But the time will come when I may return
And my soul will shed a happy tear...

25.01.2003

*Моим ангелам-хранителям,
моим любимым и светлым, Бахарочке и Рахмаше*

Жене и сыну

День сегодня серебристый и прозрачный,
Словно обещание небес,
Что ещё возможно всё иначе
Без тоски и ожиданий без,
Что когда-то на изломе муки
У судьбы случится поворот
И вернусь я к вам через разлуки
Из-за стылых охраняемых ворот.
День сегодня, как небесное посланье,
Как улыбка с высшей высоты
И в любви вам тихое признание
Из моей кандалной пустоты.
Господи, молю тебя в смирении,
Упаси от горя и от бед
Две души, твоей любви творенья,
И моей случайной жизни свет.
Упаси жену мою и сына,
Двух небесных ангелов твоих,
Двух любви и верности посыльных,
Двух судьбы моей пожизненных святых.
В этот день наполненный терпением,
Я прошу молитвенно о том,
Чтобы мы смогли пройти сквозь тернии,

*To my Guardian Angels,
My beloved and pure Bakharocha and Rakhmasha*

To My Wife and Son

The day today is silver and clear,
As though the heavens were promising
That everything different is still possible,
Without sadness and without desire;
That sometime, at torture's breaking point,
There will be a twist of fate
And I will return to you from our separation,
From behind the icy guarded walls.
Today is like a message from heaven,
Like a smile from the highest height
And for you a quiet confession of love
From my chained emptiness.
Oh Lord, I pray to you in humility,
Save, from grief and from woe,
These two souls, creations of your love,
And the light of my haphazard life.
Save my wife and son,
Your two heavenly angels,
Two messengers of love and faithfulness,
Two lifelong saints of my fate.
On this day filled with patience,
I ask you in prayer to allow us
To pass through the thorns,

И втроем войти в наш светлый дом.
Чтобы дни тревоги и печали
Растворила солнечная высь
И к любви небесному причалу
Снова повернула наша жизнь.
День сегодня серебристый и прозрачный,
Словно обещание небес...

25.01.2003

And enter together our pure home.
I ask that the days of anxiety and sadness
Be dissolved by the sunny height
And our life to return once again
To the heavenly mooring of love.
The day today is silvery and clear,
As though the heavens were making a promise...

25.01.2003

*Бахарочке и Рахмаше,
моим любимым и дорогим*

Песня прощания

Так случилось, увы, звезды так разлеглись,
Что по зимней дороге в рассветную мглу,
Отрывая от вас, гонит прочь меня жизнь
На этап в неизвестность в холерном бреду.
И неслышный застыл на губах крик тоски,
И срывается сердце от боли в галоп,
Если сможешь прости, что оставил одних
В этом мире я вас рабских спин и голов,
Что случилось всё так, перебила судьба
Нашу жизнь пополам в завыванье шутов,
Но ещё не сказал слов небесный судья
И не знает никто нашу розу ветров.
И однажды, я верю, сквозь слёзы молитв
Небо нам улыбнётся у сына в глазах,
И надежда тогда тайну нам отворит
И другие там будут звучать голоса.
Нужно только дожить, нужно перетерпеть
Эту боль расставанья, тюремную рать
И тогда я вернусь к нам домой, чтобы впредь
Вас уже никогда больше не оставлять.
И когда я вернусь, мы друзей созовём
Тех, кто не предавал, не исчез, не пропал
И за щедрым столом мы в обнимку втроем
Вспомним этот этап, вспомним эти слова...

*To Bakharochka and Rakhmasha
My Beloved and Dear Ones*

Parting Song

It happened like this; this is how it
was written in the stars—
Along the winter road, through the haze of dawn,
Tearing me away from you, life chases me to this:
A prison transfer into the unknown,
delirious from cholera.
And a cry of anguish froze on my lips,
And my heart broke into a painful gallop.
If you can, forgive me for leaving you alone
In this world of enslaved backs and minds,
Forgive me that this was how things
were, and that fate broke
Our life in half, to the noise of court fools howling,
But the heavenly judge has still not had his say
And no one knows which way our compass points.
And yet, I believe, one day through tears of prayer
Heaven will smile on us again,
through our son's eyes,
And hope will reveal us its secrets
And different voices will speak out.
One has to continue living, one has to endure
The pain of separation, the prison host,
And then I will return home,

Never to leave you again.

And when I return, we will summon our friends—

Those who didn't betray us, or disappear, or perish—

And over a lavishly spread table

we three will embrace

And remember this journey, remember these words...

Позднее признание

Как сказать мне о любви словами,
Если это умирание и жизнь
В каждом вздохе, обронённом Вами,
В каждом взгляде, обращённом в высь.
Если полуоборот случайный
Ваших плеч и пытка, и соблазн,
Если взмах ресниц, как взмах
судьбы прощальный,
Если взмах руки— и я готов на казнь.
Если Ваших глаз смирение и нега
Затмевают день и дарят небеса
И нет сил дышать, как будто бы с разбега
Воспарила жизнь, не веря в чудеса...
Когда Ваших губ невинная улыбка
Высекает в сердце сладкой боли стон,
Когда всё вокруг без Вас темно и зыбко
И при Вас как дивный, лучезарный сон,
Когда Ваших пальцев легкое паренье,
Словно колдовское действие бытия,
Все слова пусты, мертвы стихотворенья.
Эту тайну грёз познали Вы и я.
Как сказать мне о любви словами,
Если это умирание и жизнь

A Late Confession

How can I speak of love in words,
If there is death and life
In every one of your breaths,
In every glance cast to the sky.
If a casual half-turn
Of your shoulders is both torture and temptation,
If a flutter of your eyelashes is fate fluttering adiós;
A wave of your hand—and I am ready for execution.
Your eyes, with their calmness and joy
Eclipse the day and are a gift to the heavens
And I have no strength to breathe,
As though life had been racing
upwards, innocent of miracles...
When the innocent smile of your lips
Carves a sigh of sweet pain in my heart;
When without you everything is dark and unsteady
And with you like a marvelous, radiant dream;
When the light touch of your fingers,
Is like a magic act of being,
Then all words are empty, all poetry is dead.
You and I have learned the secret of dreams.
How can I speak of love in words,
If there is death and life

В каждом вздохе, обронённом Вами,
В каждом взгляде, обращенном ввысь...

In every one of your breaths,
In every glance cast to the sky...

Ветер странствий

Ветер странствий над тобой уже пропел
Песню славных бригантин и океанов,
Дальних стран, туземных тайн и стрел
И отважных юнг и капитанов.
Курс уже проложен через штиль и шторм
К затерявшейся в широтах Патагонии,
И не сможет помешать уже ничто
Выше стать тебе неверующих иронии.
И поведает чужак Жак-Паганель
Много замечательных историй—
Мир открыт открытиям, поверь,
Он бескрайний, как бескрайне море.
Только в дальний собираясь путь,
Где пассаты наполняют парус,
Взять с собой в каюту не забудь
Теплоты родного дома малость.
Пусть с тобою будут смелость и отвага,
Знания и сила, и добро,
Пусть над бригантиной чести стяга
Реет гордо в небе полотно.
И семь футов пусть тебе под килем
Плещется удача на пути
И пусть сердце вера не покинет,

Wandering Wind

The errant wind has already sung above you
A song of famous brigantines and oceans,
Of distant lands, native secrets and arrows
And of brave ship's boys and captains.
The course has been set through calm and storm
To a Patagonia now lost among the latitudes,
And nothing is able to prevent you from
Holding yourself above unbelieving ironies.
The eccentric Jacques Paganel
Will tell many brilliant stories—
Believe me, the world is open to discoveries:
It is infinite, like the boundless sea.
Only this: while preparing for a distant journey,
Where trade winds fill the sails,
Don't forget to take to your cabin
A little bit of your own home's warmth.
May boldness and braveness be with you,
Knowledge and strength and kindness,
Let the canvas banner of honor fly proudly
In the sky above the ship. And may good luck
Splash along your path for you
A fathom under the keel;
And may faith not abandon your heart;

Что судьбу сумеешь ты найти,
И что дома в час любой и время
Капитана жизни и морей
Мама ждёт, любя тебя и веря,
Ты вернешься из похода к ней.

Рахмаша, я тебя очень люблю и горжусь
тобой. Целую и крепко обнимаю твой папа.

May you manage to find your destiny;
May this be so: at home at any hour and time
Mother of this captain of life and of the seas—
Will wait, loving you and believing
That you will return to her from the journey.

Rakhmasha, I love you very much and am proud
of you. I kiss you and hug you tightly your papa.

Отчего...

Не дано нам знать и понять не дано,
Как судьбы выплетается нить в небесах,
Отчего всё так было заведено
И отмерено так на небесных весах.
Отчего потеряешь, если найдешь,
И слезой омывается искренний смех,
Отчего, если любишь, тоскливо ждёшь
И не смеешь поднять глаз счастливых при всех?
Отчего нам с тобою разлука вновь,
Если наша любовь столько лет нас ждала,
И опять от обиды сын хмурит бровь,
Если жизнь его только с собой позвала?
Не дано нам знать и понять не дано,
Как отмеряны будут нам правда и ложь,
Отчего так задуман мир был давно,
Если радость, то боль, если счастье, то дрожь.
Отчего расставаться, если судьба
Через годы и страны нас всё же нашла
И к чему здесь сложная жизни резьба,
Если нам просто жизнь просто так хороша?
Отчего, где явился новый пророк,
Чаще там укрывается старая ложь,
В благодетели метит скрытый порок

Why...

It isn't given us to know or understand
How the thread of fate is spun in the heavens,
Or why things are the way they are
And measured so on the heavenly scales:
Why you lose something, whether you'll find it again,
Why true laughter is cut with tears;
Why, if you love, do you sit so sadly
And dare not lift your happy eyes?
Why will you and I be separated again,
If our love waited for us for so many years,
And why does our son frown,
If life has only just called him along?
It isn't given us to know or understand,
How truth and lies will be measured,
Why the world was designed this way,
Why, if there is joy, there is pain; if
there is happiness, there is fear.
Why must people part, if fate still found us
Through all the years and countries
And why is life chopped and sorted so strangely,
If for us life is simply good as it is?
Why, where a new prophet has appeared,
Does the old lie often persist,

И про совесть кричат, где её ни на грош?
Отчего так жгёт разлуки слеза,
Если в сердце надежда нам встречу сулит,
Отчего не умею я рассказать,
Как душа о вас стонет, кричит и болит?
Не дано нам знать и понять не дано,
Как судьбы выплетается нить в небесах,
Отчего всё так было заведено
И отмерено так на небесных весах...

And the hidden vice pretend to be benefactor
And they shout about conscience
in lands where it's absent?
Why does the tear of separation sear us,
If there is a meeting promised
hopefully by our hearts;
Why don't I know how to tell you
How my soul groans about you, shouts and aches?
It isn't given us to know or understand
How the thread of fate is spun in the heavens,
Or why things are the way they are
And measured so on the heavenly scales...

XXX

Шёпот тихий, шёпот нежный,
Влажный от слезы под утро
Прошептал мне, что как
прежде
Будет всё у нас как будто.
Дивный шёпот, милый выдох,
Ты ко мне приходишь ночью
И среди казённых видов
Мне о радостях пророчишь.
Я тобою упиваюсь
В подконвойных сновиденьях
Преклоняюсь, маюсь, каюсь
За судьбы моей паденья.
Я тебя в себе лелею,
Каждый вздох храня у сердца,
Где в разлуки галерее
Место есть душе согреться.
Ты моей надежды стража,
Вестник вольного прилива...
Господи, когда, когда же
Возвращусь к своей я милой?..

XXX

A quiet whisper, a tender whisper,
A whisper damp from a morning tear
Said to me, that
everything
Can be for us as it was before.
An amazing whisper, a sweet whisper,
You come to me at night
And in this official landscape
You tell me prophesies of joy.
I revel in you
In my prison dreams,
I bow, suffer, repent
For the collapse of my fate.
I cherish you within me,
Preserving every breath in my heart:
In its gallery of separation
There is a place for my soul to warm.
You are the guardian of my hope,
The herald of the free waters...
O Lord, when, oh when
Do I return to you, my dear one?

Альпийская песня

А над Альпами сей час сверкает солнце
И снега сверкают кварцево маняще,
И фристайла чудачки чудные кольца
Над лыжней творят на скорости пьянящей.
И сверкает на очках февральский полдень,
Разогретый кружкой егерского пунша,
Этот мир ещё вполне для жизни годен,
Много мест в нём замечательных и лучше.
Ну, а нам с тобою лучше, если дома
Соберёмся мы однажды всей семьёю,
Где щемяще до пылинки всё знакомо
И так долго всё случилось не со мною.
Где с тобою сын был рядом, но ночами
Под сопение такое дорогое
Тихий шёпот слёзы тихие венчали,
Ты молилась, чтоб опять нас стало трое.
Я молился про себя так, как умелось,
Подконвойный и всегда глазком ведомый,
И сама собой в ночи однажды спелась
Эта песня, как собрались мы все дома.
Как мы будем говорить и засидимся
Допоздна разлуки время вспоминая,
Как смотреть мы будем и не наглядимся

Alpine Song

The sun now shines over the Alps
And the snow sparkles like alluring quartz,
And freestyling freaks create wonderful rings
At a dizzying speed on the trail,
And the February afternoon sparkles in Ray-Bans,
And, warmed by a mug of hunter's punch,
This world is still quite suitable for life,
Still filled with amazing places, better than this one.
For you and me, it would be better at home,
Better to gather together once as a family
Back where everything is achingly familiar
And everything has happened without me for so long.
Where our son was near you, but at nights,
As his dear snores sounded,
Quiet tears brought your quiet whispers to an end,
And you prayed for us three to be together again.
I prayed silently as best I could,
A guarded prisoner, always under
a watchful peep-hole,
And once at night this song
Was sung by itself, as we gathered at home.
How we will talk and sit up until late,
Recalling the time of separation,

Друг на друга мы с тобой, моя родная.
И как сын смеяться будет с нами звонко,
И родители устанут от волнений,
Сын не сделает домашнего урока,
Ну, и ладно, он и так у нас, как гений.
И родные, и друзья, все будут с нами,
И тепло нам будет и светло на душах,
И дождутся нас покрытые снегами
Альпы хвойные от егерского пунша.

Любящий вас Батыр

How you and I, my dear, will look at each other
And not grow tired of looking.
And our son will laugh loudly with us,
And our parents will grow tired,
And our son will not do his homework
(It's okay, he's our genius anyway).
And our relatives and friends will be there with us,
And we will be warm from hunter's
punch, and our souls will be light,
And waiting for us are the pine-strewn Alps
Covered with snow.

Loving you, Batyr

Плохое настроение

Закружил над огнями ночными, заворожил
Колкий снег, как осколки
разбитых по юности дней,
И дрожат без судьбы тени тех,
с кем когда-то дружил
В пустоте мёрзлой памяти в
бликах случайных огней.
И бессмысленно в вечность
клубится дым сигарет,
Отогреть не дано ему насквозь
озябшую жизнь—
Где спасает собор, где сулит небеса минарет,
А где в вену иглу и спускают тоску на ножи.
Перекрестки судьбы, как прицела
подогнанный крест,
Из божественной оптики выстрела
жизнь только в цель,
Не уйти, не уплыть за моря, не укрыться окрест,
И морщины потерь по судьбе обозначит пастель.
И мечты тяжелее с годами полёт, как побег
От себя самого и нелепых карьерных побед,
Но тоски одиночества скрип
в водосточной трубе

A Bad Mood

Above the night fires spun the
prickly enchanted snow,
Like fragments of broken youthful days,
And shook, fatelessly, the shadows of
those who had once been friends,
In the emptiness of frozen memory, in
the reflection of random fires.
And the smoke from cigarettes swirls
senselessly towards eternity:
It can't warm up this life chilled to the bone—
Here, where the cathedral saves, where
the minaret promises heaven,
Where a needle lodges in in the vein, and
desire gives way to a knife's edge.
Fate's crossroads are like a crosshairs in focus:
Life is only on target from a divine point of view.
We cannot leave, we cannot cross the seas,
there's no escape anywhere at hand,
And a pastel marks the wrinkles of lost fate.
Dreams grow heavier, less airborne,
with time, like escape
From oneself and from silly career victories,

Обрывает полёт и тебя возвращает к себе.
И заходишься кашлем, осиплым
на жизни ветрах,
И отдышка разлук не даёт
полной грудью вздохнуть.
Отпечталось прошлое на посеревших чертах
И не знает никто, где и как
наш окончится путь...

But a croaking noise in the
drainpipe breaks the flight
Of solitude's longing and brings you back to yourself.
And you can't stop coughing; the
winds of life hoarsen you,
And the asthma of separation won't
let you breathe in fully.
The past is stamped on the grey lines of our faces,
And no one knows where our journey will end...

XXX

Кто сказал, что надежда умирает последней,
Когда всё отшумело, отждалось, отжилося?
Если души бессмертны, то
бессмертен посредник
Между нами и небом, и сбылось— не сбылось.
То, что с нами случилось, даже самая малость,
Будет где-то в реестр книг судьбы внесено
И, наверное, где-то, что не домечталось
Будет помниться кем-то, в чью-
то жизнь вплетено.
И когда мы покинем дом, где всё так знакомо
И цветочная ваза, и протёртый палас,
Нашей тихой надежды тень останется дома,
Отражаясь в глазах тех, кто помнит о нас.
И продолжится снова жизнь, как наша когда-то,
И, конечно, иные будут песни звучать,
Но сердца человечьи, как надежды солдаты
Будут снова и снова и страдать, и мечтать.
И когда так лучисто смотрит сын в ожиданье,
Что сегодня надежда вдруг случится его
В этом взгляде лукавом, в
глубине самой дальней,
Все надежды таятся всех ушедших веков...

XXX

Who said that hope dies last,
When all the bustle, and waiting, and living is over?
If souls are immortal, then the mediator
Between us and heaven is immortal,
And all that has happened may not have been true.
What has happened to us, even
the most trifling thing,
Will be entered somewhere into fate's registry book,
And, probably, somewhere, our unfulfilled dreams
Will be remembered by someone,
woven into someone's life.
And when we leave our house,
where all is so familiar—
The flower vase and the worn out carpet—
The shadow of our quiet hope will stay at home,
Reflected in the eyes of those who remember us.
And life will continue, as our life was once lived,
And, of course, other songs will be sung,
But human hearts, like soldiers of hope
Will again and again both suffer and dream.
And when our son looks so radiantly in anticipation,
That today his hope will suddenly come true
In the deepest depths of that sly glance
Are harbored the hopes of all bygone ages...

Никогда

Как нелепо безысходно это слово,
Как вердикт о запрещении души,
«Никогда!»— и словно первый срок условный
Заменён расстрелом в утренней тиши.
«Никогда!» - и словно стон последней ночи
Неизбежности взорвал метеорит
И в пожарище разлуки кровотоцит
Обезумевшее сердце и горит.
Никогда не смей тебя увидеть больше,
Никогда не смей неправильно любить—
Здесь во всём своя по рангу вита дольче,
Здесь решён вопрос, как быть и как не быть.
И приход весны теперь уже бессмыслен,
И бессмыслен вишни упоённый цвет.
За пределы жизни я вердиктом выслан
И не мне беспечный поджидать рассвет.
И твоей прохладной шелковистой кожи,
Как глоток надежды в мареве песков,
Не коснутся губы в жажде осторожной,
Не разбудят трепет жилки у висков.
Не взметнутся в страсти твои руки к небу,
Не растратить звездный наш любви кредит
И не мчаться с сыном нам троим в Понтебо,

Never

How stupidly hopeless this word is,
Like a verdict forbidding a soul,
“Never!”—and it is as though a suspended sentence
Were replaced by one of execution in the morning.
“Never!”—and it is as though in last night’s cries
The inevitable meteorite exploded
And on the ground zero of separation
The insane heart bleeds and burns.
Never dare to see you again,
Never dare to love the wrong person—
Here the *dolce vita* is arranged according to rank,
Here the question *to be or not to be* is resolved.
And the arrival of spring now is
already meaningless,
And meaningless is the intoxicating
blossom of the cherry trees.
I was exiled beyond life’s borders
And it is not my task to await the careless dawn.
My lips won’t touch your cool, silky skin,
Like a mouthful of hope in the mirage of sands;
In careful thirst, they won’t awaken
The trepidation of veins on your temples.

Где таможня наше счастье подтвердит.
«Никогда!»— режут вокруг, и рёв заказан,
И в кликушестве, в припадке гнут хребет,
Но тогда я никому здесь не обязан,
Только Богу, только сыну и тебе!
И тогда судов туманных приговоры
Не имеют отношения к судьбе,
«Никогда!» звучит тогда, как уговоры,
«Никогда!»— отвечу я тогда судьбе.
И тогда весенний ветер нас подхватит,
Мы в Понтебо вместе с сыном заглянем,
Подтвердится счастье и нам жизни хватит,
Мы любви кредит искупим и вернём...

Your arms won't throw themselves
to heaven in passion,
The starry credit of our love won't be spent,
And the three of us won't rush off to Pontebba,
Where the border guards would
confirm our happiness.
“Never!”—people around me roar (their
roars are ordered from on high):
They hysterically bend their spines in a fit,
But I am indebted to no one here,
Only to God, only to our son and you.
And these sentences of hazy trials
Have no bearing on our fate:
“Never!” sounds a little like sophistry;
“Never!”—is what I will reply to the judge.
And then the spring wind will catch us,
Together with our son we'll stop by in Pontebba,
Our happiness will be confirmed
and life will be all ours,
We will redeem our love credits, and return...

Не печалься

Не печалься обо мне, моя хорошая,
Дни ручьями утекут, сойдут года
И разлука, загостившая непрошено,
Как вошла, так и истает в никуда.
И весенними пьянящими дурманами
Я приду к тебе и сына обниму,
Этот день мы искупили сердца ранами,
Мы так ждали и так верили ему.
И родители опять у нас нарядные,
Словно снова мы за свадебным столом,
Ты— невеста, я— жених и с сыном рядом мы
И, конечно, будут слёзы о былом.
О былом, что вновь уже не возвратится к нам,
О былом, где наши боли и беда
И тогда, быть может, сможем мы простить годам,
Что по жизни проросли, как лебеда.
И под музыку уже не популярную
Наших тайных и бездумных жарких встреч
Будем в юность нашу мы кружиться дальнюю,
Чтобы каждое мгновенье там сберечь.
И за плечи с сыном мы втроём обнимемся,
Будет он у нас красивым, молодым,

Don't be Sad

Don't be sad about me, my dear,
Days will flow away like streams, years will pass,
And separation, an unwelcome guest when it came,
Will melt away into nothing.
And like the fragrant apples of spring
I will come to you and hug our son,
This day we redeemed with our hearts' wounds,
The day we waited for and believed in.
And our parents are with us again, dressed up,
As though we were at our wedding table once more,
You—the bride, I—the groom, and our son with us.
And, of course, there will be tears about the past.
About the past, that will never be given back to us,
About the past, where our pain and our woes dwell,
And then, perhaps, we will be able
to forgive those years,
That have spread through our lives like weeds.
And to the sound of no-longer-popular music
(The music of our secret, mindless, hot trysts)
We will whirl away to our far-off youth,
And try to save every instant that remains.
And the three of us—you, I, our son— will hug,

Мы увидимся все вместе, мы увидимся,
Только буду я, быть может, весь седым...

And he will be there with us, beautiful and young,
And we will see one another together, we shall meet,
But perhaps I will be very gray...

Бессоница

Сигаретного дыма кольцо,
Зыбкий нимб ожидания утра,
И твое в полудымке лицо,
И моя пермятая куртка.
Это камерный мой антураж—
Фотография и сигареты—
И на снимке любви нашей страж,
Сын, и все мы в Венеции где-то.
Мне уже до утра не уснуть,
Сигареты тоску не излечат,
Если есть в расставании суть,
То она в обещании встречи...

Insomnia

A ring of cigarette smoke,
The shaky nimbus of morning's stasis,
And your face half in haze,
And my crumpled-up jacket.
This is my cellblock entourage—
Photograph and cigarettes—
And the guardian of our love in the picture,
Our son, and we are somewhere in Venice.
I won't fall asleep before day comes,
Cigarettes won't cure my longing,
If there is a meaning in any separation,
It's the promise of meeting again...

Здравствуй

Здравствуй, милая моя, здравствуй,
Посмотри, как день сегодня светел,
Словно Бог свою земную паству
Небом синим за любовь отметил.
Словно нам с тобой сегодня будет
Встреча вместо стылых ожиданий
И забудем мы разлуку буден
В день сбывающихся всех желаний.
Мы возьмем тогда с тобою сына
И пойдем гулять куда пойдетя,
И оранжевые апельсины
Купим, если лавка попадетя.
А потом взлетим на каруселях
Над улыбками людей прохожих,
Сын займется смехом от веселья
И мы с ним смеяться будем тоже.
Ветер будет нам ласкать лица,
А вокруг плескаться будет небо,
Будут нам крылом махать птицы,
Удивляясь, что сбылась небыль.
И любовь в глазах искриться будет,
И от нежности нам будет нежно,
И забудем мы, что в общем труден

Hello

Hello, my darling, hello,
Look how bright the day is,
As though God had marked his earthly flock
With a blue sky to show his love.
It is almost as though you and I might have
A rendezvous instead of frozen expectations;
As if we could forget the routine days of separation
On a day in which all our dreams come true.
We would take our son
And stroll wherever we wanted,
And buy bright oranges,
If we came across a stall.
And then we would soar on fairground carousels
Above the smiles of the people passing by,
Our son would break out in happy laughter
And we would laugh along with him.
The wind would caress our faces,
And around us the sky would be flowing,
Birds would wave their wings to us,
Amazed that the impossible has happened.
And love would sparkle in our eyes,
And the tender world would make us tender,
And we would forget that in general

У любви по жизни путь, как прежде.
Мы мороженого всем закупим,
Раздадим всем детям апельсины
И в автобусе наш сын уступит
Свое место жизненным сединам.
И родителей проведать сходим
Чай с тортом попьём, повспоминаем.
В общем, счастье— это что-то вроде
Нашей жизни, где родные с нами,
И, конечно, будем целоваться
В этот день такой необычайный
И забудем слово «расставаться»
И запас словарный слов печальный...

The path of love in life is difficult
as it has always been.
We would buy ice cream for everyone,
We would give all the children oranges
And on the bus our son would give up
His seat to the elders.
And we would visit our parents;
We would drink tea with cake and reminisce.
In general, happiness is something like
This life, where our dear ones are with us.
And, of course, we would kiss one another
On this so-unusual day
And we would forget the word “to part”
And the sad reserves of our vocabulary.

Сонет ночного блюза

Как пронзительно в ночи горит звезда,
Та единственная, что видна отсюда
И гудят прощально где-то поезда,
Покидая одиночество абсурда.
И над морем где-то копится гроза
Очищения от раболепства блуда,
И дрожит твоя хрустальная слеза,
В ночь молитвы неподвластна
пересудам.
И моей тоски кандалный ритм блюза
Стонет в ночь, где так пронзительно
звезда
Свет надежды льёт с небес гипотенузы.
И дрожат неправедной разлуки узы,
И крошатся от любви вселенской
груза...
И гудят о встрече где-то поезда.

Nighttime Blues: Sonnet

How piercingly that star burns,
That one, the only one that can be seen from here
And somewhere over there the departing trains hoot,
Abandoning this lonely senselessness.
And somewhere over the sea a storm is brewing
To clean licentiousness of its servility,
And your crystal tear shakes at the lash,
During a night of prayer, not subject
to idle talk.
In my sadness, the chained rhythm of the blues
Moans at night, where the star
so piercingly
Pours the light of hope from heaven's hypotenuse.
And the bonds of unrighteous separation shake
And crumble from the cosmic burden of love...
And somewhere the trains whistle
to herald a meeting.

XXX

Когда ночь распахнется небом
звездным и вольным,
Я тебя украду у разлук и утрат,
Унесу на руках в поле, где маков волны
Скроют нас в ароматах любви до утра,
Измнутся одежды, ветер стоном напьётся,
Пылкий трепет и жар не остудит хмельной,
И звезда молодая с неба в травы сорвётся,
Задрожит на ресницах счастливой слезой.
И шептать будут губы, боль и нежность мешая
В торопливых словах опалённой души,
Золотым нас зальёт светом томно большая
Всепрощенья луна, нас венчая в тиши.
И прохладные росы на заре нас умоют,
Вспыхнет в робких лучах на груди крестик твой,
И стыдливо зардеет от смущенья немое
Солнце, залюбовавшись твоей красотой...

XXX

When night swings open a starry and a liberated sky,
I will steal you away from partings and losses,
I will carry you away in my arms to
a field where waves of poppies
Will hide us in love's scent until morning,
Our clothes will be wrinkled, the
wind will get moaning drunk,
But it won't cool the passionate
trembling and the hungover fever,
And a young star will slip from the sky to the grass,
And will tremble like a happy tear on your eyelashes.
And our lips will whisper, pain
and tenderness mingling
In all the hasty words of an enflamed soul;
A large, all-forgiving moon will wash us languidly
In golden light, wedding us in the silence.
Cooling dews at dawn will bathe us;
Your little cross will flash in the timid rays,
And the sun transfixed by your beauty
Will shyly blush in silent embarrassment.

XXX

Ах, как вольно гуляет ветер на воле
И ласкает твои волосы и руки,
Он, беспечный, не узнает этой боли
Окольцованной в наручниках разлуки.
Не узнает, как табачный дым косматый—
Одиночества немого дух прогорклый,
Оглушает память звуков сизой ватой,
Волны стога пенит, как в стихах у Лорки,
Как стучат засовы ночью погребально
И как лампы вечный свет тоскливо нуден,
Как отчаянье привычно и банально
В этих гулких коридорах битых судеб,
Как надежда умирает, воскресая
На рассвете в клубах золотистой пыли,
Где душа кружится в рубище босая
В скорбной пляске молчаливой рабской были...

XXX

Ah, how freely the free wind strolls
And caresses your hair and hands:
Carefree, it doesn't know the pain
Encircled in the handcuffs of separation.
It doesn't know how the ragged tobacco smoke—
The rancid smell of mute loneliness—
Deafens all memory of sounds with
its grey cotton wadding;
The groaning waves foam, like the poetry of Lorca;
The dead-bolts clang at night like a funeral
And the eternal light of the lamp is so dreary;
Despair is so familiar and banal
In these echoing corridors of broken fates.
We see how hope dies and resurrects
At dawn in clouds of golden dust,
Where the soul whirls barefoot in rags:
The mournful dance of a silent slave.

XXX

Скрипки Штрауса дивные волны
Нас над Веной венчали с тобой,
Но за тактом, судьбу переполнив,
Вальс раздукой разбавил гобой.
Сказки венского леса остались
В томной дымке дунайских долин,
Где у кромки заката восстали
Альпы гордые в замках былин,
Где у Штефана Дома святого
По брусчатке блестящих эпох
Нам на счастье звенели подковы
Сквозь извозчиков переполох,
Где в аллеях Шёнбрунского парка
Прячут прошлое дождь и листва,
Где камин нам потрескивал жарко
В ночь таинственного Рождества,
И открытие жизни свершалось
Каждодневно у сына в глазах,
Где беспечную детскую шалость
Освящала небес бирюза,
И Вахау вином разливалось,
И сверкала озёрная гладь...
Слава Богу, нам всё же досталось
Что-то в прошлой судьбе вспоминать.

XXX

The beautiful waves of Strauss's violin
Above Vienna married us together
But beyond these cadences, with our fates at a crisis,
The oboe brought an air of exile to the waltz.
Tales of the Vienna woods remained
In the languid smoke of the Danube,
Where, at the edges of the sunset
The proud Alps rise with their legendary castles;
Where, by the Dome of St. Stefan,
The horseshoes rang out for good luck
Through the hubbub of coachmen,
Along the cobbles of shining years;
Where, in the Schönbrunn alleys,
The past is concealed by rain and foliage;
Where a fireplace crackled warm for us
One magical Christmas night,
And the discovery of life
Was being made daily in our son's eyes;
Where carefree childish mischief
Was blessed by the turquoise of heaven,
And at Wachau the river flowed like wine,
And sparkled against the lake's smooth surface...
Thank God, we at least still have
Something of our past fates to remember.

XXX

Серебристых струн дождя перезвон
На простуженных морозами крышах
Объявляет нам весенний сезон
И зовет гулять по лужам мальчишек.
Тарабанит в окна зябких квартир,
Прошлогодние смывая обиды,
Налагая на тоску карантин,
Отменяя моду серого твида.
Дождь весенний улыбнётся тебе
Изумрудными глазами из парка,
Зазывая погулять по траве
Бить чечётку будет словно испанка.
И кружиться будут в юрких ручьях
Застаревшие обрывки печали,
И корабликом газетным ничья
Уплывёт разлука в дальние дали.
Шум поднимут во дворе воробьи,
Игнорируя промокшую кошку,
Фонарей под вечер чистых огни
Светом нам зальют друг к другу дорожку.
Ну, а если всё наврал этот дождь
Про разлуку и про встречу под вечер,
Ты скажи тогда себе: «Ну, и что ж,

XXX

The chime of silvery streams of rain
On the frost-chilled roofs
Announces the spring season
And calls on little boys to stroll through the puddles.
It drums at the windows of chilly apartments,
Washing away last year's resentments,
Putting last year's melancholy in quarantine,
Abolishing the fashion for gray tweed.
Spring rain smiles at you
With emerald eyes from the park,
Summoning you to stroll on the grass
And stamp your feet like a Spanish dancer.
The rain will move in nimble streams
The tatters of an aging sadness,
And like a little ownerless newspaper boat,
Our separation sails off into the far distance.
Sparrows raise a ruckus outside,
Ignoring the sodden kitten at the door;
Towards evening the flames of pure street lamps
Will flood the road with light for us.
And if this rain has told nothing but lies
About how we will separate and
meet again by evening,

Всё равно разлука кончится встречей».
Всё равно нам вместе быть так и так,
Есть такое предписание свыше,
Просто дождь весенний глупый чудак
Перепутал год, танцуя на крыше...

Then say to yourself: "So what? Whatever happens
Separation will end with a meeting".
We will be together anyway,
A higher order will ensure it:
The spring rain is simply a stupid fool
Who has got the wrong year, dancing on the roof..

XXX

Дни проходят, одиноко ночи стелятся
По запретной, арестованной судьбе
И безжалостно крошит разлуки
мельница
Наши жизни, не понятные судьбе.
И теряем мы друзей судьбой
испуганных,
Привыкая к новой жизни наугад,
Где в толпе кликуш забиты и поруганы
Кто за жизнь не принимал их суррогат.
Дни на вахту встали в ожиданья
очередь
Передач и перлюстрированных слёз,
Чтобы души нам потом надеждой
ночью греть,
Боль врачуя под наркозом робких грёз.
Рассечён надвое мир стеною
с вышками,
Часовыми и охранниками в ряд,
Но открыто лица с нулевыми стрижками
На покорный мир за вышками глядят.
Не печалься о судьбе такой
непрощенной
– Кто просился под топор на эшафот?—

XXX

Days pass, nights creep lonely
Along the paths of a forbidden, arrested destiny
And the mill of separation cruelly
grinds
These lives the judge finds incomprehensible.
And we lose our friends who are
frightened by fate,
As we blindly grow used to our new life
In which hysterical demagogues cow and abuse those
Who didn't accept their substitute for life.
Days stand in a queue of anticipation
For care parcels and censored tears,
So that our hopeful souls
may grow warm at night,
Healing our pain with the narcosis of timid dreams.
The world is cut in two parts
by the turreted wall,
By rows of guards and sentinels,
But heads with crew cuts gaze openly
At the obedient world beyond the towers.
Don't be sad about such an
unpredicted fate—
Who on the scaffold begs for the axe?—
Saints have not forgotten us, haven't cast us aside,

Не забыты мы святыми, не заброшены,
Потому что жили мы не за живот.
И слова в миру немых всегда условные,
Рассечения всегда соплетены—
Уголовные ещё не уголовные
И свободные не значит вне стены.
И разлуки нашей ветряная мельница—
Не финальный кадр в жизни про любовь,
И ветра над нашей жизнью переменятся,
И уже блеснула над стеною новь.

Because we lived for the spirit, not for our guts.
And words in the world of the numb
are always conditional,
Dissections are always interrelated—
Criminals are not yet criminals
And the free are not only those outside the walls.
And as for the mill of our separation...
It's not the final frame of life about love,
And the winds that blow over our life will change
And a new story has already flashed above the wall.

Скучное нравоучение

Небо синее смеётся тебе,
Птичий гомон тебя утром встречает,
Твоей жизни Эверест и Тибет
Белоснежно манят в путь без печали.
И зовет тебя морская волна,
Звёзд таинственные светятся дали,
И дорога встреч неожиданных полна—
Ты узнаешь то, что мы не узнали.
Закипает твоей жизни прилив
И надежды высоту набирают,
Тем, кто в жизни сам к себе справедлив,
И удача справедливой бывает.
Но предательств и обманов орда
В свой черёд к тебе ворвётся без спроса,
Только ты не верь им даже тогда,
Когда брызнет кровь разбитого носа.
Нос не вешай, если жизнь будет бить
И тоска на сердце горечи тенью,
Если сможешь сам себя победить,
То найдешь свою дорогу к везенью.
Только сердцу доверяй своему
И душе, познавшей мудрость заветов,
И пусть силы будут в помощь уму,
И тогда не заплутаешь нигде ты.

Boring Lecture

The blue sky is laughing for you,
The birds' chatter greets you in the morning,
The Everest and Tibet of your life
Lure you snowy-white onto a path without sorrow.
The sea's wave summons you;
The stars shine with secret distances,
And the road is full of unexpected encounters—
You will learn what we haven't learned.
The tide of your life rushes onwards
And your aspirations are climbing high:
Fortune will be fair to him
Who in life is fair to himself.
But the horde of betrayals and deceits
Will in their turn break in on you without warning,
Don't you believe them even then,
When a broken nose spatters with blood.
Cheer up, if life gets you down
And bitter anguish casts a shadow on your heart:
If you are able to conquer yourself,
Then you will find your road to good fortune.
Just trust your own heart
And your soul, that has listened to wise advice,
And let your strength help your mind,
And then you will never lose your way.

Translated from Russian by
Catherine Fitzpatrick
James Womack
The “Prove They Are Alive!” Campaign team

Перевод с русского на английский
Кэтрин Фицпатрик
Джеймс Уомак
Команда кампании “Покажите их живыми!”

www.provetheyarealive.org
<http://james-womack.com>

Graphic design and typesetting

 RZECZYOBRAZKOWE